

Ник Картер

*Ник Картер
против барона Мутушими*

MMB-Text

Ник Картер
**Ник Картер против барона
Мутушими (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949405*

Аннотация

Америка начала XX века. Изысканное общество, светские интриги и преступления, определяющие судьбы целых государств. Но злоумышленникам не укрыться от правосудия, если за дело берется знаменитый сыщик Ник Картер!

Этого человека называли американским Шерлоком Холмсом. Читатели требовали продолжения его приключений, заваливая письмами издательства. «Кто же автор?» – интересовались они. Но этот вопрос до сих пор остается тайной за семью печатями. Существует версия, что автора тоже звали Ник Картер и он так же, как его герой, был сыщиком. Вероятно, гениальный детектив писал... о себе самом! А значит, все описанные в его романах жуткие преступления – не плод вымысла, а реальные истории!

Содержание

Тайна Белого дома	4
Башня Голода	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ник Картер

Ник Картер против барона Мутушими

Тайна Белого дома

– Господин президент готов принять вас.

Ник Картер встал и прошел в рабочий кабинет президента Соединенных Штатов Америки, в тот самый кабинет, где в течение последних пятидесяти лет глава славной американской республики принимал своих советников и беседовал с ними о важнейших государственных делах.

При появлении Ника Картера президент поднялся из-за письменного стола и протянул руку знаменитому сыщику.

– Возьмите вон тот стул и сядьте напротив меня, – начал президент. – Разумеется, я вызвал вас из Нью-Йорка сюда, в Вашингтон, не из-за какого-нибудь пустяка. Речь идет о крайне важном деле, касающемся меня не столько как президента, сколько как честного человека. То, что я вам сейчас сообщу, абсолютно конфиденциально. Я знаю из личного опыта, что вы умеете молчать и что на вас, безусловно, можно положиться, но некоторые обстоятельства вынуждают меня в данном случае с особой настойчивостью требовать соблюдения секретности. Никто не должен знать о том, что мы с вами будем обсуждать и какие примем решения. Мало того, никто не должен знать, что существует дело, интересующее и занимающее нас обоих. В крайнем случае придется придумать какую-нибудь причину, которой можно было бы объяснить ваше появление в Белом доме.

– Заботы об этом предоставьте мне, – с неувимой улыбкой произнес Ник Картер. – Но я смогу принять какое-либо решение лишь после того, как получу подробную информацию о деле...

– Другими словами, вы хотите, чтобы я не тратил времени понапрасну, – прервал его президент. – Вы правы, мистер Картер: время – деньги. В таком случае слушайте. Меня окружают шпионы, которые следят за всеми моими действиями и осведомлены относительно каждого моего слова, вне зависимости от того, где я нахожусь – в своем рабочем кабинете, наедине с одним из министров или где-нибудь в общественном месте, в парке или на гулянии. Я пустил в ход все имеющиеся в моем распоряжении средства, чтобы обнаружить и изловить этих шпионов, которые распространяют секретные, по сути, сведения. Но я ничего не могу добиться, и даже самые способные сотрудники моей службы безопасности разводят руками.

– Словом, если я правильно вас понял, – заметил Ник Картер, – содержание ваших бесед с ответственными лицами о вопросах высшей политики становится достоянием посторонних субъектов, и вы не можете себе объяснить, каким образом происходит утечка информации?

– Мало того, содержание многих конфиденциальных бесед через несколько часов чуть ли не дословно излагалось в газетах.

– Вот как! Значит, вам так и не удалось обнаружить виновников?

– К сожалению, не удалось. Мне становится страшно при мысли об этом. Можно подумать, что тут орудуют какие-то сверхъестественные силы. Не смейтесь, мистер Картер, уверяю, вам будет не до смеха, когда вы поглубже вникнете в это дело. Хуже всего то, что нет никакой возможности добраться до этих шпионов, чтобы уличить их и положить предел их разрушительной деятельности. А это приводит к весьма неприятным последствиям, поскольку поневоле приходится сомневаться в людях, которых я до сих пор считал заслужи-

вающими доверия. Вы понимаете, что я хочу этим сказать? Дело приняло такой оборот, что шпионы во что бы то ни стало должны быть обнаружены и притом как можно скорее.

– Понятно, – отозвался Ник Картер. – Когда именно вам пришлось в последний раз столкнуться с проявлением этой враждебной деятельности?

– Не далее как вчера в этом кабинете я в течение получаса разговаривал о делах торговой палаты с тремя господами. Эти господа, так же как и я, имели все основания не разглашать содержания и результата нашей беседы. Сегодня утром, то есть через шестнадцать часов после завершения совещания, я встретился с членом конгресса Гольдфоглем, и оказалось, что он полностью осведомлен о результатах этого совещания.

– Не потребовали ли вы у него объяснений по этому поводу?

– Нет, в контексте нашей с ним встречи это не представлялось возможным. Но по тому, как он говорил о совещании, было видно, что он совершенно не сознает его конфиденциального характера.

– Где происходили ваши переговоры?

– Здесь, в Белом доме, на южной веранде.

– Не мог ли кто-нибудь подслушать вас? Нет ли там поблизости окон, ниш, колонн, кустов или деревьев, за которыми есть возможность спрятаться?

– Нет, там нет ничего подобного. Сами понимаете, что в последнее время я стал крайне осторожен. Я совершенно точно знаю, что во время этой нашей встречи на расстоянии ста шагов в округе не было ни единой живой души.

– Тогда получается, что подслушать вас было невозможно?

– То-то и оно. И тем не менее содержание нашей беседы уже сделалось достоянием гласности. Повторяю, остальные трое участников этого совещания нанесли бы явный ущерб своим собственным интересам, если бы обмолвились о нем хоть словом.

– И точно таким же образом была обнародована информация о предыдущих беседах и совещаниях с вашим участием?

– Говорю же вам, мистер Картер, эти шпионы преследуют меня повсюду. При этом я уже прибегал ко всем возможным уловкам: выбирал помещения для совещаний в самый последний момент, принимал посетителей вне очереди – и все это ни к чему не привело.

– Изменение местонахождения тоже не меняет дела?

– Нисколько. Где бы я ни находился со своими советниками, куда бы я с ними ни удалялся – все это не улучшает ситуации. Неизвестный лазутчик умудряется даже подслушивать мои частные беседы: и с женой, и с членами семьи.

– Какая гнусность! – воскликнул Ник Картер. – Пожалуй, кто-нибудь и в настоящее время нас подслушивает?

– Я более чем уверен в этом, – вздохнул президент.

– Вы говорили, – продолжал сыщик, – что вас подслушивали и в тех случаях, когда деловые встречи не были назначены заранее?

– В том-то и беда. И днем и ночью меня окружают невидимые шпионы. Кстати, я вспомнил инцидент с итальянским послом. Проезжая во время верховой прогулки мимо итальянского посольства, я вспомнил о переговорах, которые вел за неделю до этого с послом и которые окончились ничем. Так как у меня тогда появилась новая мысль по интересовавшему нас делу, я спешил и приказал швейцару доложить о себе. В приемной мы беседовали с послом в течение получаса. Я хорошо знаю, что поблизости не могло быть посторонних. И что же дальше? На следующий день ко мне поступает запрос от итальянского посла, не говорил ли я французскому послу о нашей встрече, ибо тот оказался прекрасно осведомлен о ней. Еще пример. К числу моих близких друзей и приверженцев принадлежит сенатор Марк Галлан. Вам, вероятно, известно, что он является представителем штата Канзас, а

поскольку вместе с тем он является лидером для всего населения к западу от Миссисипи, то мы его обыкновенно так и называем: Западным сенатором.

— Я хорошо с ним знаком и могу этим гордиться.

— Да, помнится, он как-то упоминал о важных услугах, которые вы ему оказали. Так вот, в этом же самом кабинете, с глазу на глаз, Галлан открыл мне некоторые из своих грандиозных планов, осуществление которых должно существенным образом отразиться на нашей внутренней политике. И, как вы думаете, что произошло дальше? Сенатор Гарденер, заклятый враг и непримиримый политический противник нашего общего друга, на следующее утро направляет запрос правительству, зачитывая чуть ли не дословно по стенограмме всю беседу Галлана со мной, и спрашивает, были ли достигнуты какие-либо соглашения по этому поводу без ведома и одобрения народных представителей. Можете себе представить смущение бедного Галлана, которому, разумеется, ничего не оставалось, как предположить, что я злоупотребил его доверием. У него хватило присутствия духа заявить, что утверждения Гарденера являются вымыслом. На этом дело было закончено. Но, как это ни печально, между Марком Галланом и мной выросла стена, и о прежней нашей дружбе не идет и речи. Хотя мы оба уверены, что порядочность каждого из нас не подлежит сомнению.

Президент собирался привести еще один пример, но тут вошел дежурный чиновник и доложил о прибытии одного важного сановника, вызванного самим президентом.

— Придется прервать нашу беседу, — сказал глава США, — но я прошу вас пожаловать ко мне сегодня в девять часов вечера. Я позабочусь о том, чтобы мы не были ограничены временем, для того чтобы иметь возможность прийти наконец к какому-либо эффективному решению.

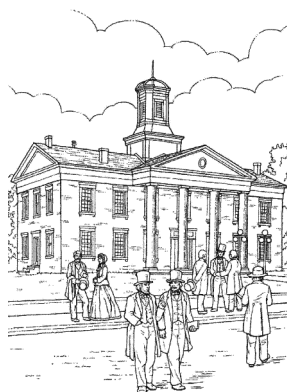
— Я не премину явиться, — почтительно ответил Ник Картер и удалился.

* * *

Выйдя из Белого дома, сыщик направился через площадь Лафайета в отель «Арлингтон».

В огромном вестибюле гостиницы он устроился у окна, откуда мог видеть верхнюю часть авеню Коннектикут, гордость и красу Вашингтона, и развернул газету.

Случайно взглянув в окно, он увидел на углу улицы того самого человека, о котором президент только что ему рассказывал.

Ник Картер был очень высокого мнения о сенаторе Галлане. Сыщик считал его одним из наиболее способных и честных государственных деятелей и был твердо убежден в том, что Марк Галлан не мог разгласить ни единого слова из беседы с президентом.

Когда сенатор приблизился к главному подъезду отеля, Ник Картер направился ему навстречу.

– Вот так приятный сюрприз! – воскликнул Галлан. – Какими судьбами вы оказались здесь, в Вашингтоне, мистер Картер?

– По делам, – ответил сыщик, – сами знаете, наш брат старается быть вездесущим.

– А не найдется ли у вас свободной минутки для меня? Мне хотелось бы с вами кое о чем побеседовать. Давайте пройдем туда, в тот уголок.

Приятели устроились рядом с одним из огромных стенных зеркал, поднимавшихся от мраморного пола до мозаичного потолка.

– Ну, кого вы теперь собираетесь затравить? – спросил Галлан с многозначительной улыбкой. – Или вы начали заниматься политикой? По лицу вашему вижу, что вам хотелось бы сказать: «Это не ваше дело, сенатор!» Ведь так, милейший?

– Раз вы сами догадались, то я не стану это отрицать, – отозвался Ник Картер.

– Отлично. Впрочем, я не любопытен и вовсе не хочу знать чужих секретов. Но перейдем к делу... У меня есть для вас маленькое поручение, конечно, в том только случае, если вы не прочь принять его.

– Говорите, в чем дело. Если у меня будет хоть малейшая возможность, я с удовольствием исполню ваше поручение.

– Дело вот в чем, милейший Картер, – начал сенатор, – со мной случилась неприятная история. Хуже всего то, что я никак не пойму, в чем, собственно, дело: либо человек, известный всему миру как честный и достойный уважения деятель, изменил своему слову, либо и в самом деле в нашем подлунном мире есть вещи, которые и не снятся мудрецам. Откровенно говоря, я уже давно собирался вызвать вас сюда. Но меня останавливало опасение показаться смешным в ваших глазах, у вас какая-то особая манера смеяться, когда вы слышите разговоры о сверхъестественных явлениях... Ну вот, вы опять смеетесь. Что ж, смейтесь сколько хотите, но скажите, имеете ли вы представление о том, каким образом действуют и общаются между собой иностранные шпионы?

– Неужели вы полагаете, что стали жертвой таких шпионов? – спросил Ник Картер, не выказывая, однако, особого удивления.

– Я не полагаю, а отлично знаю, что постоянно окружен такими субъектами. Они подслушивают мои невинные частные беседы и самые важные переговоры, даже те, что происходили наедине с человеком, которому я слепо доверял. Этим шпионам стали известны вещи, о которых мы поклялись никому не говорить. И именно эта секретная информация и сделалась достоянием гласности.

– Не могли бы вы привести какой-нибудь пример?

– Пример? Я мог бы привести не один, а десятки примеров! Конечно, конфиденциально, поскольку никто не должен знать, что я беседовал с вами об этом.

– Полагаю, вы во мне не сомневаетесь.

– Конечно, нет. Я просто произнес фразу, которую теперь повторяю всем и всюду. Так вот, недавно у меня состоялась встреча с президентом; мы с ним говорили о вещах, осуществление которых откроет новые пути всей нашей внутренней политике. Как всегда, у нас с президентом были схожие взгляды на обсуждаемую проблему, и мы дали друг другу слово хранить молчание уже потому, что преждевременное оглашение наших планов поставило бы на ноги всю оппозицию и натравило бы на нас всю прессу лагеря наших противников. Но я оказался загнанным в тупик, когда на следующий же день мой политический противник Гарденер на открытом заседании парламента огласил все подробности моего соглашения с президентом, и мне оставалось только, вопреки истинному положению дел, заявить, что сообщение Гарденера представляет собой чистейший вымысел. Из-за этого, однако, у моих коллег сложилось обо мне весьма неприятное впечатление, не говоря уже о том, что между

мной и президентом возникло такое недоразумение. Он поневоле вынужден считать меня легкомысленным болтуном или даже непорядочным человеком... Одним словом, после происшедшего инцидента в наших отношениях наступило заметное охлаждение.

– Это действительно весьма неприятно, – согласился Ник Картер.

– Я не могу отделаться от мысли, – продолжал сенатор, – что тут что-то нечисто. Подумайте сами: мы беседовали в рабочем кабинете президента, к тому же так тихо, что многие слова произносились шепотом, так что кто-то, находящийся всего в двух шагах от нас, не смог бы ничего расслышать. Еще до начала нашей беседы президент лично осмотрел обе комнаты, примыкающие к кабинету, запер их двери на ключ, а двери кабинета открыл настежь. Таким образом, никто не мог подойти к нам незамеченным. В приемной, где располагаются дежурные чиновники, тем более не мог находиться никто из посторонних. А теперь скажите, как можно подслушать такую длинную беседу, тем более организованную с подобными предосторожностями?

– Приходилось ли вам переживать нечто подобное еще когда-либо, помимо этого случая? – поинтересовался Ник Картер.

Сенатор привел массу примеров в доказательство того, что его ежедневно окружает целая шайка шпионов, орудующих с изумительной ловкостью.

Окончив свое повествование, сенатор обратился к Нику Картеру со следующими словами:

– Как вам все это нравится? Будьте откровенны и скажите мне, что вы думаете по этому поводу.

– Я, к сожалению, пока еще не составил определенного мнения о происшедшем, – ответил Ник Картер, – если бы мне о таких чудесах рассказали не вы, а кто-то другой, я, пожалуй, сразу сделал бы вывод не в его пользу. Но сам Марк Галлан, человек, известный своим ясным умом, заявляет мне, что в течение уже нескольких недель за ним следят и подслушивают его разговоры, причем приводит неоспоримые доказательства... Тут явно кроется какая-то загадка. Во всяком случае, пока я могу сказать только одно: тот, кто руководит этим преследованием, независимо от побуждающих его причин, – человек не просто умный, а гениальный. Но у меня появилась мысль: я сниму здесь номер и прикажу перенести туда мой багаж. После этого мы с вами поговорим обо всем обстоятельно. Дело в том, что я собираюсь загримироваться под вас.

* * *

Спустя час в арендованном сыщиком номере расположились сам сенатор и некий почтенный фермер из Канзаса с чрезвычайно глупой физиономией.

Сыщик с особой тщательностью загримировал Марка Галлана под фермера, позаботившись о том, чтобы грим продержался несколько дней.

Затем сам Ник Картер загримировался, приняв облик Марка Галлана, с таким мастерством, что сенатор всплеснул руками и воскликнул:

– Знаете, мистер Картер, вы наводите на меня страх не меньше моих невидимых преследователей! Вы просто чародей какой-то! Вы с полным успехом можете считаться Галланом, а мне никто не поверит, если я скажу, что я сенатор. Если я попытаюсь в таком виде войти в зал сената, то меня живо выставят оттуда. А как я отныне должен называть себя, и что мне надлежит делать?

– Я полагаю, фермеру из Канзаса вполне подойдет имя Гирам Хокинс. Как вы полагаете? Что касается вашего времяпрепровождения, то просто-напросто осматривайте достопримечательности города, как делают приезжие провинциалы, и устройтесь так, чтобы постоянно иметь возможность оперативно связаться со мной.

– Неужели вы на самом деле намерены выдавать себя за сенатора? – в недоумении спросил Марк Галлан.

– Именно. Это единственный способ напасть на след шпионов.

– Вы полагаете, что у вас появится возможность их выследить?

– Несомненно.

– Но каким же образом вы намерены действовать?

– Этого я и сам пока не знаю. Но если мне удастся выяснить, какую цель преследуют шпионы, то это будет почти равносильно их разоблачению.

– Все это как будто и нетрудно, а между тем я готов заключить с вами пари на сто долларов, что вы не осмелитесь войти в зал заседаний сената и сесть там на мое место, как бы удачно вы ни были загримированы.

– Но именно это я и собираюсь сделать, – с равнодушным видом ответил Ник Картер, говоря голосом сенатора так правдоподобно, что тот даже вскочил со стула.

– От вас, мистер Картер, – воскликнул Галлан в изумлении, – пожалуй, можно ожидать любой выходки! Вы просто страшный человек! Это совершенно невероятно! У вас даже походка точно такая же, как у меня!

– Успокойтесь, – прервал его Ник Картер со смехом, – мне вполне достаточно пробыть в зале заседаний около получаса, а если меня захотят задержать, то я сошлюсь на предстоящее свидание с президентом. Это-то и заставит шпионов отправиться вслед за мной туда же.

Сенатор в немом изумлении посмотрел на своего двойника, а потом разразился громким хохотом.

– Но ведь это великолепно! – воскликнул он. – Я тоже пойду в сенат, конечно, на места для публики, и оттуда полюбуюсь на сенатора Марка Галлана. Если вас разоблачат и с треском выставят вон, вот будет потеха!

– Посмотрим, – сухо ответил Ник Картер.

И действительно, минут через десять мнимый сенатор Марк Галлан покинул отель «Арлингтон» и большими шагами направился к трамваю, чтобы доехать до Капитолия.

Когда, прибыв на место, Ник Картер вошел в здание сената, все встречавшиеся ему по пути люди раскланивались с ним так, как они могли и должны были раскланиваться только с сенатором Марком Галланом.

Положение сделалось более щекотливым, когда он вошел в зал заседаний. Едва мнимый сенатор успел показаться в дверях зала, как один из присутствовавших сенаторов, поднявшись с места, через весь зал направился прямо к нему, пожал ему руку и засыпал целым ворохом вопросов, по существу совершенно непонятных двойнику.

– Знаете, мой друг, давайте поговорим об этом после заседания, – ответил сыщик, чтобы выпутаться из непростого положения, – откровенно говоря, коллега, у меня голова сейчас так занята... сами понимаете...

Он вздохнул с облегчением, когда отделался от «коллеги», направился к месту Марка Галлана и просидел там около получаса. Правда, чуть ли не каждые пять минут к нему подходили сенаторы, но он отвечал на их вопросы так ловко, что не возбудил ничьего подозрения.

Но тут внезапно возникло новое затруднение: к Нику Картеру подошел сенатский курьер и подал визитную карточку, на которой была изображена какая-то японская фамилия. Владелец карточки ждал в приемной.

Сыщик колебался: он не мог знать, какие дела связывают настоящего Марка Галлана с этим японцем, и, кроме того, ему казалось не совсем корректным выслушивать сообщения, быть может, конфиденциального характера.

Но курьер явился во второй раз и доложил, что японец обещает не задерживать сенатора надолго, но настоятельно просит принять его.

Ник Картеру пришлось дать согласие на встречу.

К своему удовольствию, он быстро заметил, что японец был почти незнаком с Галланом и явился в Капитолий исключительно для того, чтобы заручиться согласием сенатора принять приглашение на банкет, назначенный через три дня.

Ник Картер принял это приглашение, но, после того как японец распростился с ним, мнимый сенатор решил покончить с этой игрой.

Он написал председателю записку, в которой известил о своем нездоровье и о том, что вынужден покинуть заседание, прибавив, что, по всей вероятности, будет отсутствовать в сенате в течение нескольких дней.

Затем сыщик через западный подъезд покинул здание Капитолия, повернул на авеню Пенсильвания и дошел до Казначейства.

Все это время мнимый сенатор оставался бдителен и зорко вглядывался в прохожих, пытаясь понять, не следит ли кто-нибудь за ним.

Однако на этот вопрос он получил ответ только тогда, когда, дойдя до отеля «Ралей», резко остановился и обернулся.

В тот же момент он убедился, что за ним следят по меньшей мере трое японцев в европейских костюмах, и притом настолько ловко, что даже он не обратил бы на них внимания, если бы не был предупрежден о слежке.

Ник Картер вспомнил, что посетитель, явившийся в Капитолий для того, чтобы пригласить его на банкет, тоже был японцем.

Вдруг он заметил, что к нему приближается какой-то господин.

– Мне положительно везет, сенатор! – воскликнул незнакомец. – Я уже хотел ехать к вам в Капитолий.

– С какой же целью?

– Барон Мутушими уже беседовал с вами?

Ник Картер вспомнил, что японец, пригласивший его на банкет в отель «Виллард», носил именно такую фамилию.

– Да, я беседовал с ним около получаса тому назад.

– И он пригласил вас на банкет в отель «Виллард»?

– Пригласил.

– И вы придете?

– Да, я дал барону обещание.

– Неужели, добрейший сенатор, вы в самом деле будете? Дело в том, что ваше присутствие крайне необходимо. Наши единомышленники с нетерпением ожидают вашего решения по известному делу.

– Можете рассчитывать на меня, я непременно буду.

– Мне нет нужды напоминать вам, – продолжал незнакомец, – что вы и ваши приверженцы должны хранить безусловное молчание. В банкете примут участие только посвященные и...

– Понимаю, – прервал его мнимый Марк Галлан, – можете быть уверены, что я приду.

Во время беседы Ник Картер незаметно следил за тремя японцами, причем он обратил внимание, что они не сводили глаз с его лица, хотя стояли далеко и никоим образом не могли слышать беседу. Столь же внимательно они наблюдали за лицом того господина, с которым беседовал мнимый сенатор.

Распростившись с незнакомцем, Ник Картер закурил сигару и неторопливым шагом направился в отель «Виллард». В вестибюле отеля он устроился так, что мог со своего места видеть не только все помещение, но и входные двери, а также – благодаря высоким зеркалам – и то, что делалось на улице.

Ник Картер несколько не удивился, когда вскоре в вестибюль отеля «Виллард» вошли двое элегантно одетых японцев. Правда, это были уже не те японцы, которые следили за мнимым сенатором на авеню Пенсильвания, но смотрели они на него так же пристально.

«Это становится интересным», – подумал сыщик, увидев, что оба японца уселись напротив него, взяли газеты якобы для чтения, но в то же время не прекращали следить за каждым его движением.

Мнимый сенатор задумался над тем, какая у японцев могла быть причина так настойчиво выслеживать Галлана.

Вдруг кто-то прикоснулся к его плечу.

Изящно одетый господин, которого он заметил, выходя из Капитолия, кивнул ему и, не спрашивая разрешения, присел рядом с ним.

– Как поживаете, сенатор? – спросил он.

Ник Картер ответил обычной в таких случаях фразой и взглянул на сидевших напротив японцев.

Они находились шагах в тридцати и никоим образом не могли слышать ни одного слова из разговора Ника Картера с незнакомцем. Тем не менее японцы не сводили глаз с мнимого сенатора и его собеседника.

С целью выяснить, каким образом действуют шпионы, Ник Картер не спускал с них глаз и в то же время спросил подсевшего к нему незнакомца:

– Нет ли каких-нибудь новостей?

Господин, о личности, звании и профессии которого сыщик не имел ни малейшего представления, небрежно повел плечами и вполголоса произнес:

– Хотелось бы знать, сенатор, что нового у вас. Прежде всего скажите, можем ли мы рассчитывать на вас или должны причислить вас к числу наших противников?

«Новая загадка», – подумал сыщик, заметив, что один из японцев сосредоточил все свое внимание на нем самом, а другой – на его собеседнике.

– Сегодня при всем моем желании я не могу высказаться определенно, – ответил он, – но...

– Мои друзья не могут больше ждать, – прервал его незнакомец, – мы должны знать, за нас вы или нет. Вы хорошо знаете, как нам нужна ваша поддержка, но пребывать в неизвестности еще хуже, чем получить отказ. Говорил ли с вами сегодня барон Мутушими?

– Говорил.

– Приглашал ли он вас на званый обед, который должен состояться через три дня в этом отеле?

– Приглашал.

– Что вы ему ответили?

– Я принял приглашение.

– Прекрасно. И вы на самом деле думаете принять участие в этом банкете?

– Да.

Незнакомец вздохнул с облегчением, встал и протянул руку мнимому сенатору.

– В таком случае нам не о чем беспокоиться, – сказал он. – Прощайте, сенатор.

Ник Картер молча поклонился.

Он сосредоточил все свое внимание на незнакомце и обоих японцах, которые все время следили за ними, точно читали по губам говоривших.

Ник Картер посидел еще немного, потом вдруг быстро встал.

Он был сильно взволнован, хотя лицо его оставалось спокойным.

«Я нашел ключ к разгадке, – внутренне торжествовал сыщик, – теперь я знаю, каким образом эти субъекты работают и как им удастся подслушивать разговоры своих жертв!»

* * *

Подойдя к выходу из вестибюля, сыщик вдруг увидел самого Марка Галлана, загримированного под фермера из Канзаса. По-видимому, ему эта новая роль очень нравилась. Увидев своего двойника, сенатор чуть не позабыл о своем непривычном облики. Но достаточно было выразительного взгляда Ника Картера, чтобы тот вспомнил о гриме.

– О, какой сюрприз! Ведь это сам сенатор Марк Галлан! – произнес мнимый фермер хриплым голосом. – Я вас искал! Ну, как ваши дела? Как здоровье?

Марк Галлан отлично справлялся со своей ролью.

Они пожали друг другу руки, и Ник Картер проводил мнимого фермера к своему прежнему уединенному месту в вестибюле, где никто не смог бы им помешать.

Но прежде, чем сесть, сыщик передвинул стулья так, чтобы они стояли спинками к залу.

– Почему это вы решили устроиться таким образом, – шепотом поинтересовался сенатор, – неужели вы опасаетесь, что вас все-таки могут узнать?

– Нисколько, – отозвался Ник Картер, – мне только кажется, что нам будет приятнее смотреть на улицу.

– Но тогда мы не сможем наблюдать за тем, что делается внутри, в самом вестибюле, – возразил Марк Галлан.

– Пока вам придется все-таки понаблюдать за происходящим на улице. Очень важно, чтобы никто из находящихся в вестибюле не мог подслушать нас...

– Вот как? Неужели вы уже напали на след этой шайки?

– Откровенно говоря, да. По крайней мере я больше не брожу в потемках.

– Рассказывайте же, – попросил Галлан, – это чрезвычайно интересно.

Прежде чем сыщик заговорил, он оглянулся и увидел, как оба японца выходят на улицу.

Они медленно прошли по авеню, но, сделав всего лишь несколько шагов, остановились на тротуаре на противоположной стороне улицы таким образом, что через громадные зеркальные стекла вестибюля отеля могли наблюдать за выражением лиц сыщика и его собеседника.

– Вы правы, сенатор, – шепнул Ник Картер, стараясь при этом как можно меньше шевелить губами, – гораздо интереснее наблюдать за публикой в вестибюле. Развернем наши стулья, а еще лучше будет, если вы повернете свой стул так, чтобы сидеть ко мне лицом.

– Что все это значит? – проворчал Галлан, но тем не менее исполнил просьбу своего двойника.

– Скоро узнаете, – успокоил его Ник Картер, – но пока исполняйте в точности то, что я вам скажу.

– Если бы я не знал, что дело серьезное, – отозвался Галлан, – я мог бы подумать, что вы надо мной издеваетесь.

– Издеваюсь я не над вами, а над двумя франтами, которые чрезвычайно вами интересуются, – возразил Ник Картер.

Сенатор, усевшись наконец на стул, с изумлением смотрел на сыщика, который со странной улыбкой на устах следил за движениями какого-то субъекта на улице.

– Что вы делаете? – спросил Галлан.

– Наблюдаю за одним господином, который привлек мое внимание, вот и все. Об этом мы с вами поговорим потом, а пока я должен попросить вас оказать мне маленькую услугу.

– Прикажете опять повернуть стул?

– Пока еще нет, но скоро дойдет и до этого.

Один из японцев тем временем вернулся в вестибюль и уселся на свое прежнее место, так что мог хорошо видеть лицо мнимого фермера, а другой, оставаясь на улице, наблюдал за лицом мнимого сенатора.

– Мой опыт удался, – шепнул Ник Картер, стараясь не шевелить губами.

– Черт меня возьми, если я хоть что-нибудь понимаю во всем происходящем, – возмущался сенатор, – так что будьте любезны, объяснитесь.

– Тише, – прервал его сыщик, – пока мы сидим здесь, будем болтать об откорме свиней, картошке, искусственных удобрениях и тому подобных вещах. Не нужно касаться наших планов или событий сегодняшнего дня.

– Пусть будет по-вашему, мистер Картер, если вы настаиваете, – проворчал Марк Галлан.

– Осторожнее. Упоминание моего имени, как бы тихо оно ни было произнесено, может погубить всю нашу затею. Теперь я задам вам несколько вопросов, на которые прошу отвечать мне просто «да» или «нет», без дальнейших объяснений. Вы поняли меня? Да не сердитесь же, мы напали на след, и теперь нам следует быть крайне осторожными.

– Спрашивайте сколько хотите, но только я...

– Вы видите здесь, в вестибюле, элегантно одетого японца, который неустанно наблюдает за вами? – спросил сыщик.

– Да, вижу.

– Знаете ли вы его?

– Нет.

– Видели ли вы его когда-либо прежде?

– Да.

– Часто?

– И да, и нет, трудно сказать.

– Если можно, отвечайте немного пообстоятельнее. Часто ли вы его видели?

– Довольно часто.

– Отлично. А теперь я покорнейше попрошу вас взять у меня сигару, которую я вам предложу, встать и подойти к электрической зажигалке у правого входа. Тем временем я пересяду на ваше место, а вы, вернувшись сюда, займете свободное место.

Сенатор в недоумении взглянул на сыщика, поскольку совершенно не понимал, какую цель преследует последний, заставляя его выполнять все эти загадочные манипуляции. Тем не менее он встал, медленно направился к зажигалке, вернулся, сел на освободившийся стул и принялся курить.

Ник Картер положил правую руку на спинку стула так, что прикрыл подбородок и рот рукой, не привлекая этим ничьего внимания. Благодаря этому никто не мог увидеть движения его губ.

– Посмотрите на улицу и скажите, не кажется ли вам знакомым тот японец, который шатается под окнами? – спросил Ник Картер.

– Да, я его знаю.

– Часто ли вы его видели?

– Неоднократно видел, во всяком случае, столь же часто, как и его товарища.

– Не обратили ли вы внимания на то, что в последнее время вокруг вас постоянно вертятся какие-то японцы?

– Конечно, обратил. Это какое-то наваждение. Интересно знать, откуда они взялись.

– Теперь сидите здесь спокойно, пока я сниму номер, где мы с вами прекрасно устроимся и побеседуем совершенно спокойно, – сказал Ник Картер, встал и распорядился, чтобы ему отвели комнату.

Затем он вместе с Галланом поднялся на второй этаж.

К крайнему удивлению сенатора, Ник Картер, войдя в комнату, первым делом опустил занавеси на окнах.

– Ну вот и готово, – сказал он вполголоса, – если мы будем говорить шепотом, то никому шпиону не удастся нас подслушать. А теперь я попрошу вас ответить на очень важный вопрос: кто такой барон Мутушими?

Марк Галлан в недоумении взглянул на сыщика и вдруг воскликнул:

– Черт возьми! Вот о нем-то я совершенно забыл, когда давал вам разрешение загромироваться под меня и стать моим двойником.

– Кто такой Мутушими? – повторил Ник Картер.

– Насколько мне известно, это очень образованный господин, который обладает солидными средствами и пользуется большим уважением у себя на родине.

– Быть может, он профессиональный политический деятель?

– Возможно. Ведь в Стране восходящего солнца политикой занимаются все поголовно.

– Знакомы ли вы с ним лично?

– Нет, я его никогда не видел.

– Но много слышали о нем?

– Да, слышал. Но, позвольте, к чему этот допрос? Вы расспрашиваете меня, как школьника. Какое отношение имеет Мутушими к моему поручению, и чего ради внизу, в вестибюле, вы обратили мое внимание на тех двух японцев? Я сгораю от любопытства, а вы почему-то допрашиваете меня, точно преступника.

– Вы давно меня знаете, – ответил сыщик, – и вам должно быть отлично известно, что я не делаю ничего без серьезных на то оснований.

– Так-то оно так, но...

– Лучше послушайте, что я вам сейчас скажу: по какой-то неизвестной причине за вами постоянно следят японцы. Они отлично умеют читать по губам – навык, которому обычно обучают глухонемых; так что, глядя на движения губ, эти шпионы прекрасно понимают, что говорит объект наблюдения. Таким образом, им вовсе не нужно находиться вблизи от беседующих, и они могут при помощи хороших оптических приборов вести свои наблюдения даже на больших расстояниях.

– Неужели это возможно?! – воскликнул озадаченный сенатор. – Этим вы хотите сказать, что едва заметных движений губ достаточно, чтобы понимать произносимые слова?

– Вполне достаточно. Правда, не всякий способен понимать язык губ, – заметил Ник Картер, – для этого требуется не только многолетняя практика, но и много других качеств, не говоря уже об отличном зрении. Я бы даже сказал, что это врожденная способность, которую можно развить путем длительных упражнений. Я убедился, что те двое японцев, так же как и все остальные члены этой шайки, посвящены в искусство чтения по губам.

– Не знаю, удивляться мне или завидовать вам, – воскликнул озадаченный Галлан, – я никогда не поверил бы, что такой язык вообще может существовать. Стало быть, вы думаете, что эта парочка шпионов наблюдала за нами?

– Совершенно верно. Причем они принимали меня за сенатора Галлана, а вас – за приезжего.

– Значит, вы полагаете, что нас всегда подслушивают именно таким образом? Постойте, я кое-что вспомнил, – воскликнул Марк Галлан и схватился за голову, – во время того важного совещания с президентом мы сидели в его кабинете у большого углового окна. Оттуда видна цепь холмов, а на расстоянии полутора миль находится участок с виллами местных богачей. Теперь я припоминаю, что рядом с одной из этих вилл я время от времени замечал какой-то странный блеск, будто солнечные лучи преломлялись в стекле. А ведь там расположено здание японского посольства...

– Вот видите, – с довольной улыбкой произнес Ник Картер, – очевидно, во время вашей беседы с президентом за вами обоими наблюдали из этого здания.

– Но с какой целью эта шайка наблюдает за нами? – заволновался сенатор.

– Это нам еще предстоит выяснить. Но скажите, сенатор, кто такой этот Мутушими? Я спрашиваю потому, что этот японец замешан в интересующем нас деле.

– Я уже рассказал вам все, что мне о нем известно, – ответил сенатор.

– Он заходил сегодня к вам в Капитолий, – спокойно произнес Ник Картер.

– Что? Этот Мутушими?

– Он самый.

– Вы говорили с ним? Что ему было нужно?

– Он хотел пригласить вас на банкет, который должен состояться в этом отеле послезавтра.

– Знаете, мистер Картер, я начинаю думать, что вы состоите в сговоре с самим дьяволом! – воскликнул сенатор. – Еще несколько недель назад меня известили о предстоящем визите этого Мутушими, я ждал его каждый день, да так и не дождался. И вот он появился как раз в тот день, когда мое место заняли вы!

– Когда я вышел из Капитолия, – продолжал Ник Картер, словно не обращая внимания на замечание Марка Галлана, – за мной стали следить трое японцев. Вблизи отеля «Ралей» со мной заговорил какой-то незнакомец и спросил, был ли у меня Мутушими и пригласил ли он меня на банкет. Пока я беседовал с ним, японцы наблюдали за нами и, конечно, поняли каждое слово из нашей беседы. Затем на смену тем трем шпионам явились двое других, которые в вестибюле отеля расположились так, что опять-таки могли читать каждое произносимое мной слово. Вскоре после этого ко мне подсел какой-то другой незнакомец и спросил меня, – стало быть, вас, – пришли ли вы к благоприятному решению или нет. Ему тоже надо было знать, буду я на том банкете или нет. Замечу, что этого незнакомца я уже видел, когда выходил из Капитолия, но заговорил он со мной только тогда, когда я вернулся в отель. Теперь вы должны понять, почему мне желательно получить сведения об этом таинственном бароне Мутушими.

Сенатор, видимо, разволновался. После некоторого колебания он сказал:

– Надеюсь, мистер Картер, вы не допускаете даже мысли о том, что я замешан в какие-нибудь темные дела?

– Я еще не составил себе никакого определенного мнения обо всем происходящем, сенатор, и пока придерживаюсь нейтралитета. Но я должен попросить вас, чтобы вы оказывали мне безусловное доверие, иначе я буду лишен возможности заниматься этим делом.

– Я даю вам слово, что мне решительно нечего скрывать.

– Но ведь ясно видно, что речь идет о каком-то деле, которым японцы необычайно интересуются, – заметил Ник Картер, пожимая плечами.

– И мне так кажется, мистер Картер, но я снова даю вам честное слово, что знаю обо всех этих кознях ровно столько же, сколько и вы. Могу только сообщить, что около месяца тому назад, а может, и полтора, ко мне явился какой-то американец и заявил, что у него огромный бизнес в Японии и Корее и в связи с этим он хочет заручиться моей поддержкой. Незнакомец говорил много и долго, но я в итоге так толком ничего и не понял. Я лично склонен думать, что со мной хотят завязать отношения и стараются пронюхать, принадлежу ли я к числу тех мерзавцев, которые продают за деньги свой голос или влияние. А следят за мной, вероятно, с целью отыскать у меня ахиллесову пяту и выяснить, не занимался ли я когда-либо прежде темными делами и не занимаюсь ли таковыми в настоящее время. Все это для того, чтобы в случае необходимости приставить мне нож к горлу и, угрожая разоблачением, принудить действовать в их преступных интересах.

– Об этом я тоже уже думал, – заметил сыщик.

– Охотнее всего я выставил бы этого американца за дверь, – продолжал Марк Галлан, – ибо выше всего ценю свою честь и доброе имя. Кто считает меня продажным мошенником, тот становится моим смертельным врагом, так как задевает мое самолюбие. Но я решил, однако, сделать вид, что согласен вступить в переговоры, с целью выяснить истинные намерения вдохновителей этого дела и разоблачить их происки при первом же удобном случае.

Ник Картер протянул руку Марку Галлану.

– Я знал, что не разочаруюсь в вас, – произнес он, – мы с вами должны действовать сообща. До поры до времени я буду продолжать играть роль сенатора Галлана, ну хотя бы до этого самого банкета, в котором я намерен принять участие в качестве вашего двойника.

Сенатор покачал головой.

– Я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях, мистер Картер, – медленно произнес он, – но мне думается, что вам не удастся довести эту затею до конца. Я даже не говорю о нравственной стороне вопроса. Вы выдадите себя уже потому, что не имеете понятия о порядке ведения дел и прочих процедурах, которые можно освоить только посредством многолетней практики. Подумайте сами, я состою председателем и членом многочисленных обществ и комиссий, и вследствие этого на мне лежит обязанность представлять сенату отчеты о своих действиях.

– Не беспокойтесь, – возразил Ник Картер, – я уже сообщил председателю сената, что в связи с некоторым недомоганием не смогу присутствовать на ближайших заседаниях. А в остальном вы можете быть уверены: я не предприму ничего такого, что могло бы впоследствии поставить вас в неловкое положение.

– Ну что ж, пусть будет по-вашему, – согласился Марк Галлан, – а я тем временем буду бездельничать. А что касается банкета, то желаю вам повеселиться!

– Вы и в самом деле не знаете, с какой целью устраивается этот банкет? – спросил Ник Картер.

– Понятия не имею. Меня еще несколько недель назад предупредили о том, что мне предстоит получить это приглашение, но банкет по неизвестным мне причинам все откладывался да откладывался. Вероятно, меня считали еще недостаточно подготовленным. Но я все больше прихожу к убеждению, что эти японцы, которые со времени победоносной войны с Россией разыгрывают из себя властителей мира, задались целью совершить какую-нибудь пакость. Всем известно, что я принадлежу к числу близких друзей президента и что мое мнение имеет влияние в сенате. Вполне возможно, они хотят, чтобы я занял их сторону. Как бы там ни было, мистер Картер, я надеюсь, что вы основательно проучите этих желтолицых негодяев и их вдохновителей.

– Можете в этом не сомневаться, сенатор. Не думайте, что я с ними буду церемониться, – заявил Ник Картер, и решительное выражение его лица не предвещало ничего хорошего тем шпионам, на след которых он уже напал.

* * *

Для того чтобы и впредь продолжать играть роль сенатора Марка Галлана, Нику Картеру надо было поселиться в холостяцкой квартире сенатора. Галлан передал ему ключ. Правда, на той же квартире проживал и личный секретарь сенатора, но это неудобство легко можно было устранить.

Марк Галлан позвал секретаря к телефону и поручил ему немедленно выехать в Нью-Йорк по одному из его многочисленных дел.

Вскоре после этого Ник Картер распрощился с сенатором, который под видом канзасского фермера занял номер в отеле «Виллард».

Спустя четверть часа сыщик уже вошел в элегантно обставленную квартиру Марка Галлана.

По дороге туда он отлично видел, что за ним следят.

Это до некоторой степени нарушало его планы в том смысле, что при таких условиях сыщик не мог и думать снять грим, чтобы явиться к президенту в назначенный час.

Но над этим вопросом он не стал задумываться: если он рискнул явиться к президенту в настоящем своем виде, несмотря на то что это неминуемо должно было возбудить подозрение шпионов, то он тем более мог прийти в облике сенатора Марка Галлана. К тому же так или иначе следовало посвятить президента в эту часть плана.

Большая квартира сенатора Галлана была расположена в нижнем этаже одного из лучших домов Вашингтона. Сыщик заглянул в квартиру, осмотрелся и снова вышел на улицу.

Он сразу заметил, что лазутчики удвоили бдительность, но сделал вид, будто даже не подозревает об этом.

Кратчайшим путем он направился к Белому дому и вошел в здание через южный подъезд ровно в половине девятого вечера.

Тут он обратился к одному из камердинеров, который почтительно поклонился ему.

– Президент меня, правда, к себе не вызывал, – проговорил Ник Картер, – но вы все-таки передайте ему мою карточку и сообщите, что я пришел по важному делу, не терпящему отлагательств. Также скажите, что я отниму у господина президента не больше пяти минут.

– Виноват, мне дан приказ...

– Не сомневаюсь, – оборвал слугу мнимый сенатор, – что президент не желает, чтобы его сейчас беспокоили. Но если вы передадите ему в точности то, что я вам сказал, то он обязательно меня примет.

Спустя несколько минут камердинер пригласил мнимого сенатора в рабочий кабинет президента.

Сам президент стоял на пороге и в изумлении смотрел на мнимого Марка Галлана.

– Добрый вечер, сенатор, – сказал он, – я готов посвятить вам пять минут, но ни единой секундой больше, поскольку чрезвычайно занят. Входите, пожалуйста.

Когда Ник Картер вошел, президент плотно закрыл дверь кабинета и спросил:

– По какому делу вы пожаловали?

– Надеюсь, мы здесь одни, и никто нам не помешает? – шепнул сыщик.

– Надо полагать, что так, – отозвался президент, – хотя последние события заставляют усомниться в этом.

Вместо ответа мнимый сенатор, к крайнему изумлению президента, тщательно осмотрел всю комнату, прошелся вдоль стен, обстукивая их, заглянул во все шкафы, под мебель и за портьеры.

– Неужели вы всегда проводите такую сложную подготовительную работу, когда заходите к кому-то на пять минут? – спросил президент. – Я и не знал, что вы настолько предусмотрительны.

Ник Картер подошел почти вплотную к президенту и шепотом произнес:

– Я пришел передать вам, что тот господин, который должен был явиться к вам сегодня в девять часов, не сможет прийти.

Президент в полном недоумении взглянул на мнимого сенатора, потом вдруг побагровел от досады и резко произнес:

– Будьте любезны, объясните мне, сенатор, кто доставляет вам сведения о моих частных беседах, происходящих здесь с глазу на глаз с другими лицами?

– Извините, господин президент, – шепнул теперь Ник Картер своим настоящим голосом, – я вовсе не сенатор Марк Галлан, а сыщик Ник Картер.

Президент вначале совершенно растерялся, но потом вдруг начал хохотать.

– Знаете, мистер Картер, – воскликнул он, – благодаря своим способностям к перевоплощению вы можете зарабатывать огромные деньги! Но зачем вы явились ко мне в таком виде, и что все это значит?

– Это я расскажу вам когда-нибудь впоследствии, – ответил сыщик, – не забывайте, что ваша прислуга знает о том, что я просил аудиенции всего на пять минут, и потому у меня нет времени долго объясняться. Одно только скажу: сенатор Галлан не знает о том, что я явился сюда, а также ничего не знает о данном мне вами поручении. Далее могу сообщить, что я уже выяснил кое-что и почти разгадал тайну. Если вы разрешите мне вести дело по своему усмотрению, то, надеюсь, в самом близком будущем я добьюсь полного успеха.

– Отлично, – ответил президент, – но ваши пять минут уже прошли. Делайте все что хотите, лишь бы добиться результата. Вас я приму в любое время. Поверьте, что я не посвятил бы вас в это дело, если бы не испытывал к вам безусловного доверия.

Ник Картер распрощился с президентом, вышел из Белого дома и направился через парк к авеню Пенсильвания.

Выйдя из калитки парка, сыщик вдруг увидел перед собой двух мужчин, которые, по-видимому, поджидали его, а на мостовой стоял закрытый, запряженный двумя лошадьми экипаж, возле которого стоял третий незнакомец.

Один из странной тройцы подошел к сыщику и, вежливо приподняв шляпу, проговорил:

– Мое почтение, сенатор Марк Галлан! Барон Мутушими ожидает вас в экипаже и покорнейше просит вас составить ему компанию. Он почтет за честь доставить вас домой, поскольку должен сообщить вам нечто важное.

– С удовольствием, – ответил Ник Картер.

Он хорошо понимал, что его собираются куда-то увезти, но именно это и побудило его принять приглашение, поскольку он надеялся таким путем побыстрее выяснить намерения барона и его сообщников.

Недолго думая, он сел в темную карету.

Дверцы тотчас за ним захлопнулись.

В тот же момент Ник Картер убедился, что его ожидания оправдались. Он очутился в салоне экипажа один, а когда попытался открыть дверцы, то оказалось, что ручек внутри нет. В довершение всего внезапно опустились железные жалюзи на окнах.

Таким образом сыщик очутился во власти своих похитителей.

Но он нисколько не смутился, поскольку был убежден, что на жизнь сенатора негодяи не посмеют посягнуть.

Он полагал, что преступники намереваются на некоторое время лишить Марка Галлана свободы, по всей вероятности для того, чтобы сделать его более сговорчивым.

В крайнем случае он всегда мог пустить в ход оружие, а пока он был вооружен, то не боялся и дюжины этих желтолицых мошенников.

* * *

Экипаж проехал через весь город и в конце концов миновал длинный мост через реку Потомак, на другом берегу которой начинался штат Вирджиния.

Съехав с моста, экипаж куда-то повернул и, преодолев некоторое расстояние, вкатил в ворота одной из усадеб, которых в этих местах было великое множество.

Оставив позади усыпанную песком аллею, экипаж миновал заасфальтированный подъезд к дому, а потом опять покатил по ухабистой дороге, очевидно, приближаясь к хозяйственным строениям. Затем он въехал на деревянный настил какого-то сооружения.

Возница соскочил с козел, но вопреки ожиданиям сыщика не открыл дверцу кареты.

К немалому изумлению пленника, похитители удалились. Затем он расслышал, как кто-то снаружи запирает дверь на тяжелый засов.

Наступила полная тишина.

Только теперь Ник Картер рискнул нажать на кнопку своего электрического фонаря и взглянуть на часы. Было уже одиннадцать, стало быть, поездка длилась два часа.

При свете фонаря сыщик увидел, что находится в обыкновенной карете, весьма искусно переоборудованной.

Ник Картер мог при помощи своей отмычки без труда выбраться из заточения, но решил остаться на месте и дожидаться продолжения приключений. Ему хотелось увидеть тех, кто дерзнул без всяких объяснений увезти одного из влиятельнейших государственных деятелей Соединенных Штатов. Кроме того, сыщик собирался выяснить, чего похитители хотели от Марка Галлана.

Спустя полчаса он услышал, как отодвигается засов на двери.

Сразу же после этого были подняты железные жалюзи на окнах экипажа, дверцы распахнулись, и перед пленником появился барон Мутушими с фонарем в руке.

– Покорнейше прошу извинить меня, сенатор, – заговорил он, – за то, что я дерзнул доставить вас на свою виллу столь необычным образом. Смею уверить, что вас оставили в конюшне без моего ведома.

Ник Картер молча вышел из кареты.

Он только усмехнулся, увидев на небольшом удалении с полдюжины японцев, готовых в случае необходимости прийти на помощь барону.

Ник презрительно взглянул на подчиненных барона и тоном человека, с трудом сдерживающего гнев, ответил:

– Я имею полное основание негодовать по поводу вашего самоуправства, барон. Но приписываю ваши действия незнанию основных правил приличия. Если бы вы пригласили меня к себе и предложили для этого воспользоваться вашим экипажем, то вам совершенно не потребовалось бы прибегать к таким постыдным действиям. А теперь, барон Мутушими, я попрошу объяснить мне причины, побудившие вас поступить столь неуважительно по отношению к сенатору Соединенных Штатов.

Мутушими улыбнулся и отвесил мнимому сенатору низкий поклон.

– Я готов предоставить вам все необходимые разъяснения, – ответил он, – и когда вы меня выслушаете, то охотно простите за бесцеремонность. Смею ли я просить вас пожаловать на мою виллу?

– Я готов.

Мутушими, держа фонарь над головой, направился к дому. Ник Картер пошел за бароном.

Телохранители Мутушими следовали за сыщиком, наблюдая за каждым его движением.

Барон проводил своего гостя в просторную комнату, в которой находился огромный камин.

Вместе с ними в комнату вошли телохранители и встали у стены полукругом.

– Не угодно ли присесть, сенатор? – предложил барон, указывая на одно из кресел.

– Я предпочитаю стоять, по крайней мере до тех пор, пока вы не дадите мне удовлетворительных объяснений, – холодно ответил мнимый Марк Галлан.

Барон пожал плечами, устроился в одном из кресел и заговорил:

– Вы весьма рассудительны, сенатор, и наверняка понимаете, что наши с вами дела дошли до такой точки, когда мы не в состоянии больше ждать. Нам необходимо знать, как вы намерены держать себя дальше. Поскольку мы должны во чтобы то ни стало прийти к какому-либо соглашению, я и привез вас сюда, правда, несколько необычным образом.

– Почему вы просто не попросили меня заехать к вам?

– Потому что я не знал, исполните ли вы мою просьбу, а я предпочитаю действовать наверняка. Как государственному деятелю вам следовало бы знать, сенатор, что японцы бывают не очень разборчивы в выборе средств для достижения своих целей. Для нас на первом месте стоит цель. Я должен был поговорить с вами, и поэтому вы находитесь здесь, вот и все.

– Быть может, подобное поведение и не является противоестественным у вас на родине, – ответил мнимый сенатор, – здесь же, в этой стране, оно может привести к нежелательным для вас последствиям. Впрочем, перейдем к делу: что вам от меня нужно?

– Я должен знать, будете ли вы нашим союзником в великом деле, осуществление которого укрепит могущество и славу моего дорогого отечества?

– Как можете вы требовать от меня каких-либо решений, когда я даже не имею представления, о каком именно великом деле вы говорите?

– Мне казалось, сенатор, что вы уже достаточно осведомлены.

– Я не желаю заниматься разгадыванием ребусов, тем более в столь необычных обстоятельствах. Вам придется выражаться точнее и определеннее, если вы желаете получить от меня ответ.

Мутушими задумался, но потом вдруг произнес:

– Мы решили завязать с вами отношения, сенатор, поскольку нам было известно, что вы человек небогатый, но вместе с тем являетесь государственным деятелем с весьма выдающимися способностями и постоянно растущим влиянием. Движимый честолюбием, вы, несомненно, стремитесь к богатству, а ведь американцы берут деньги везде, где их можно брать. Надеюсь, я не оскорбил вас этим замечанием?

– Нисколько. Вы вообще не можете меня оскорбить.

– Вы являетесь председателем сенатского комитета по международным делам, – продолжал японец, – и в этом качестве вам принадлежит решающее слово в некоторых вопросах, которые будут представлены нашим послом правительству вашего государства по поручению нашего императора. Речь идет об уступке нескольких островов, а также о союзе Японии с Соединенными Штатами, направленном против Европы. Мы намерены заручиться вашей поддержкой, сенатор, и я предлагаю вам за услугу два миллиона долларов. Из этой суммы я сейчас же выдам вам четверть миллиона, а остальное будет выплачиваться равными частями каждые три месяца, если, конечно, ваше влияние окажется достаточно сильным, чтобы обеспечить успех нашим притязаниям.

– Другими словами, – возразил Ник Картер, – вы требуете, чтобы я стал изменником?

Барон Мутушими пожал плечами:

– К чему громкие слова? Впрочем, мне до этого нет никакого дела. Мне достаточно заручиться вашей подписью на обязательстве, которым вы подтвердите свою готовность служить нам. Обязательство это будет храниться в секретном архиве императорского дворца в Токио. Его уничтожат в тот самый момент, когда вы выполните свою задачу, за что мы готовы щедро вас вознаградить.

– Как все просто, – насмешливо заметил сыщик, – а что, если я отвечу вам отказом?

Барон Мутушими медленно поднялся, сложил руки за спиной, подошел вплотную к мнимому сенатору и произнес все тем же спокойным и бесстрастным тоном, каким говорил все время:

– На случай вашего отказа уже приготовлена могила, где будет погребен ваш труп. Либо вы подпишете обязательство, либо не доживете до завтрашнего утра.

* * *

Ник Картер отлично знал, что барон Мутушими не ограничится пустой угрозой и без раздумий прибегнет к крайним мерам, чтобы обезопасить себя.

Мутушими поставил на карту все и теперь зашел уже настолько далеко, что обратной дороги не было.

– Вы затеяли опасную игру, барон, – холодно заметил сыщик, сохраняя полное спокойствие.

– Смелость города берет, – так же спокойно ответил Мутушими.

– Неужели я должен поверить вашей угрозе? – продолжал Ник Картер. – Вы и впрямь дерзнете убить меня, если я откажусь заключить с вами соглашение?

– История должна была научить вас, сенатор, – возразил Мутушими, – что японцы не останавливаются ни перед чем. С нашей стороны было бы неразумно сохранять вам жизнь, после того как мы открыли вам свои карты. Мы можем быть спокойны лишь тогда, когда в наших руках окажется подписанное вами обязательство, в противном же случае вас ожидает смерть.

– Вы дерзнете убить сенатора Соединенных Штатов? Неужели вы воображаете, что обстоятельства, сопровождавшие мою смерть, не будут установлены?

– Вряд ли, а если и будут, то всю ответственность за последствия я беру на себя. Итак, каково ваше решение?

– А что вы станете делать, если я подпишу обязательство, возьму деньги и прямо отсюда отправлюсь к президенту, чтобы сообщить ему о случившемся? – спросил Ник Картер.

– Я готов пойти на подобный риск, – с ехидной улыбкой ответил Мутушими, – но я не думаю, что вы нарушите данное мне слово. А если и нарушите, то беда невелика. Мое место займет более искусный посредник, а на ваше место в сенате придет другой человек, поскольку вы можете быть уверены, что не пройдет и трех дней после вашей измены, как вас настигнет неотвратимая кара. А теперь, сенатор, у меня нет больше времени на разговоры. Я прошу дать мне окончательный ответ.

Ник Картер подошел к камину, оперся на него рукой и спокойно принялся разглядывать стоявших перед ним японцев.

Играя роль сенатора, он должен был во что бы то ни стало выдержать эту роль до конца.

– Боюсь, барон, – проговорил сыщик совершенно спокойно, – что вы жестоко во мне ошиблись и неверно истолковали мой характер. Иначе вы должны были бы знать, что угрозами невозможно повлиять на принимаемые мной решения. Если бы вы известили меня о том, что желаете побеседовать со мной здесь, в вашем доме, то я так или иначе приехал бы, и вам не пришлось бы разыгрывать эту комедию, в которой вы отвели себе неблагодарную роль – вы стали посмешищем даже в глазах своих соотечественников. Но вы не столько добивались объяснения со мной, сколько хотели поставить меня в безвыходное положение и заставить силой сделать то, чего бы я никогда не совершил добровольно. Мне остается только заявить вам, что я с негодованием отказываюсь от всякого общения с вами. Вот вам мое последнее слово!

Барон Мутушими в сопровождении своих сообщников приблизился к мнимому сенатору. Но тот спокойно продолжал:

– Я должен обратить ваше внимание на то, что нападение на меня сопряжено с некоторой опасностью для вас. Я человек не слабый, барон Мутушими. Кроме того, в кармане я держу револьвер, дуло которого направлено прямо в ваше сердце. Не знаю, известно ли

вам это, но я стреляю очень метко. Вы напрасно улыбаетесь. Теперь я целюсь в ваш лоб. Это надежнее, поскольку вы, судя по вашей улыбке, под одеждой носите защитный панцирь.

Японец остолбенел.

Мутушими был столь же труслив, сколь и коварен, столь же жесток, сколь и боязлив.

– Вы можете застрелить меня, сенатор, – проговорил барон, – но от этого вам легче не станет – вас изрубят на куски.

– Возможно, – усмехнулся пленник, – но тогда барон Мутушими будет уже мертв, а я постараюсь устроить так, чтобы ему не пришлось отправляться в ад одному, без провожатых.

– Японцы тоже умеют обращаться с огнестрельным оружием! – крикнул барон и сделал движение рукой, желая достать револьвер из бокового кармана.

Но сыщик предвидел это.

– Если вы дорожите жизнью, барон, то не делайте лишних движений, – грозно воскликнул он, – иначе я пристрелю вас, как бешеную собаку! Мое терпение заканчивается, и я решил поступить с вами так, как вы того заслуживаете.

Японец моментально присмирел. Он постарался скрыть свое смущение за лукавой улыбкой.

– Неужели мы не можем обойтись без кровопролития? – спросил он примирительно. – Что, если я возьму назад свою угрозу?

– Тогда, быть может, найдется разумное решение, – ответил Ник Картер.

– В таком случае прошу вас присесть.

– О нет, барон. Я останусь в том же положении, в каком нахожусь, и вы хорошо сделаете, если последуете моему примеру.

– Но каким же образом мы тогда сможем договориться?

– Очень просто. Прикажите вашим людям покинуть эту комнату и останьтесь здесь со мной один на один. Тогда наши силы будут равны, и я соглашусь на обстоятельный разговор.

Но Мутушими медлил.

Вдруг мнимый сенатор выхватил из кармана револьвер и навел его на японца.

– Не бойтесь, барон, – воскликнул он, – я пока не стану стрелять, а только хочу посоветовать вам не раздумывать слишком долго.

Японец весь позеленел от ярости и ответил дрожащим голосом:

– Оставьте, оставьте, сенатор. Мы и без этого придем к какому-нибудь соглашению.

Затем Мутушими обратился к своим подчиненным на японском языке, полагая, что мнимый сенатор не поймет его:

– Выйдите из этой комнаты. Трое из вас встанут у дверей в ожидании моих приказов, остальные пусть созовут всех находящихся в доме людей и возьмут на себя охрану дверей и окон. Ты, Фушими, отправишься в комнату, расположенную прямо над нами, и с револьвером в руке будешь следить за этим американцем. При первой его попытке напасть на меня – стреляй без колебаний. Ступайте!

Ник Картер ухмыльнулся.

Как только за последним японцем закрылась дверь, сыщик накинута на стоявшего к нему спиной барона и железной рукой схватил его за шиворот.

Но в тот же момент раздался оглушительный удар грома, и свет погас. Воцарился полумрак.

С пола стали подниматься клубы пара, скрывая стены и постепенно подбираясь к Нику Картеру.

Но сыщик, хотя и озадаченный, продолжал крепко держать японца.

Тут произошло нечто совершенно необъяснимое.

Раздалось яростное шипение, и на глазах Ника Картера тело барона Мутушими превратилось в огромную змею с широко разинутой пастью.

Из этой пасти вырывались огненные языки пламени, и, прежде чем сыщик успел опомниться, он почувствовал, как змея обвивается вокруг его тела.

Ему показалось, что все его кости ломаются, и он начал терять сознание.

«Это сон, кошмар какой-то, – мелькнуло у него в мыслях. – Человек не может превратиться в змею...»

Тут густой туман заполнил всю комнату...

* * *

Нику Картеру казалось, что он видит сон. Он утратил чувство времени и пространства. Стены комнаты будто пришли в движение, и все предметы начали покачиваться. Со всех сторон показались языки пламени.

Вдруг стали появляться фантастические видения. Сначала Ник увидел рожу какого-то чудовища. Она возникла из-за стены, сделавшейся вдруг прозрачной, сложила губы, будто для того, чтобы свистнуть, и стена начала подпрыгивать, как марионетка на ниточке.

Место, где раньше стоял камин, превратилось в какую-то адскую пасть, из которой вырывалось пламя, а из пламени образовался шар, раскаленный до такой степени, что сыщик стал задыхаться.

Все еще словно во сне Ник Картер видел, как пламенный шар принимает форму огромного глаза, сверкавшего так ярко, что он вынужден был зажмуриться.

И все-таки какая-то непреодолимая сила заставила его снова открыть глаза.

Из-под пола снова поднялись клубы густого пара, и стены комнаты куда-то отодвинулись.

Эти испарения вскоре образовали кольцо, которое сосредоточилось вокруг огненного шара и начало бешено вращаться под какую-то торжественную мелодию.

Мало-помалу мелодия превратилась в нежную и чарующую.

Нику Картеру казалось, что из туманной пелены проступают легкие очертания фигур в воздушных одеяниях, под которыми угадывались нежные женские тела. А кольцо все быстрее и быстрее вращалось вокруг огромного огненного шара.

Порой этот шар скрывался, но потом снова появлялся.

В такие моменты Нику Картеру казалось, что из его памяти исчезает нечто такое, чего нельзя забывать. Но он ничего не мог с собой поделать. Одурманенному сыщику чудилось, что он погрузился в теплые волны, ласкающие его тело, и оставляет позади все, что было с ним прежде.

Он уже забыл свои видения. Исчезли очаровательные женщины, распевавшие дивные мелодии. Он даже не помнил змею, обвившую его тело.

Он видел один только огромный шар, сияние которого теперь ослабло за клубившимися парами.

Это был уже и не шар, а серебряный глобус с гладко отполированной поверхностью, а над этой зеркальной гладью порхала грациозная гейша.

Но тут Ник Картер решительным движением встряхнулся и стал энергично протирать глаза, полагая, что все еще видит какой-то странный, волшебный сон.

Но гейша не исчезла – она даже улыбнулась ему задорно и весело.

Вдруг лицо ее стало серьезным. Шар, над которым она парила, опустился на пол и остановился прямо перед Ником Картером.

– Кто ты? – спросила гейша певучим голосом.

Мнимый сенатор схватился за голову.

Он не знал, кто он такой. Ему казалось, что с тех пор, как он прибыл на виллу, прошли сотни лет.

Хотя бедняга и сознавал, что живой, что слышит биение своего сердца, что может мыслить, он никак не мог вспомнить, кто он.

– Я не знаю, кто я, – наконец произнес он печально.

– А где ты сейчас находишься? – спросила гейша все с той же загадочной улыбкой.

– Не знаю.

– Зачем ты явился сюда?

– Не знаю, – простонал Ник Картер.

– И никогда, ты слышишь меня, никогда не будешь этого знать.

– Но я хочу знать. Я имею право знать все.

– Ты все забудешь.

– Я не хочу.

– Посмотри мне в глаза.

Сыщик не хотел повиноваться, но чья-то непреодолимая воля заставила его подчиниться.

Когда он поднял глаза на загадочную гейшу, то увидел лишь прежний огненный шар.

– Я не хочу забывать, – пробормотал он, – не хочу... не хочу...

Он зевнул и беспомощно опустил голову на грудь.

* * *

Когда Ник Картер подскочил к барону и схватил того за шиворот, кто-то нанес ему удар по затылку. Сыщик не знал, кто его ударил и каким именно оружием.

Затем ему показалось, что он понесся куда-то далеко, что ему явились какие-то видения – дикие, фантастичные.

Состояние это длилось не более нескольких секунд, судя по тому что Ник Картер, очнувшись, все еще держал японца за шиворот. И все-таки этого непродолжительного времени было достаточно, чтобы оставить в нем ощущение какой-то крайней слабости, как после сна, искусственно вызванного наркотическим средством.

Все это произошло с быстротой молнии.

Ник вспомнил, что Фушими должен был уже дойти до комнаты на верхнем этаже.

Если японец успеет открыть люк в потолке, спастись уже будет невозможно.

При других обстоятельствах Ник Картер не стал бы действовать силой против безоружного противника. Но в данной ситуации приходилось пойти на это.

Он ударил противника по голове так сильно, что тот моментально лишился чувств и упал бы на пол, если бы сыщик не поддержал его.

Затем сыщик взял его под мышку, как обыкновенный сверток, подбежал к ближайшей двери, открыл ее, вышел и снова запер ее за собой.

Тут он услышал чьи-то шаги.

Следовало прежде всего осмотреться.

Ник Картер вынул электрический фонарь и при его свете обнаружил, что находится в такой же комнате, как и та, в которой он был раньше.

Противоположная дверь, по-видимому, выходила в коридор, и оттуда доносились шаги.

Когда беглец удостоверился, что вызванные бароном японцы заняли место у дверей, он вышел в третью дверь.

Он очутился в каком-то узком коридоре, который заканчивался дверью.

Дверь эта была заперта.

Ник Картер вынужден был опустить японца на пол, для того чтобы вынуть отмычку и открыть замок.

Он быстро справился с этой работой.

Сыщик снова подхватил свою ношу, выбрался из особняка и помчался туда, где по его расчетам должны были находиться конюшни.

В лучшем случае у него оставалось минут пять-шесть.

Он намеревался взять одну из лошадей и увезти барона в Вашингтон.

Ник Картер не сомневался в том, что барон Мутушими был душой открытого им заговора.

До конюшни было не более ста метров, и Ник Картер благополучно добежал туда, не замеченный японцами.

К счастью, в конюшне тоже никого не оказалось.

При свете своего карманного фонаря Ник Картер выбрал лучшую лошадь, вывел ее из конюшни, положил барона поперек, сам вскочил на нее и во весь опор помчался по направлению к Вашингтону.

У него не хватило времени оседлать лошадь и надеть на нее уздечку. Но этого и не требовалось, поскольку он прекрасно ездил верхом и без упряжи.

Как только Ник Картер со своим пленником очутился в тени огромных деревьев, окаймлявших дорогу, он услышал доносившиеся со стороны виллы дикие крики. По-видимому, японцы узнали о бегстве мнимого сенатора и похищении своего главаря.

К счастью, двойная ноша не была слишком тяжела для сильного животного, которое к тому же успело отдохнуть в конюшне. Лошадь мчалась словно бешеная, повинаясь малейшему приказанию своего седока.

Шум и крики погони усиливались. Ник Картер уже слышал топот копыт мчавшихся лошадей.

– Только бы мне удалось добраться до трактира на берегу Потомака, – пробормотал Ник Картер.

Трактир этот, к которому так стремился беглец, был в некотором роде историческим местом. Он существовал уже около ста лет. После жестокой резни, устроенной англичанами в 1812 году в столице Штатов, в этом трактире в течение некоторого времени заседало правительство республики. Славное прошлое не оставило на нем, однако, никакого отпечатка, поскольку теперь порядочные люди не показывались в этом заведении. Оно неоднократно переходило из рук в руки. То в нем ютился игорный притон, то укрывались чернокожие преступники, которых в Вашингтоне развелось чрезвычайно много. Не раз уже здесь происходили кровопролитные стычки между завсегдатаями трактира и полицией.

Ник Картер хорошо знал нынешнего содержателя трактира, Дика Боблея. Сыщик когда-то уличил его в преступлении, но тот отделался сравнительно легким наказанием, поскольку выдал всех своих сообщников, и Ник Картер тогда ходатайствовал о смягчении для него наказания.

Потому мнимый сенатор и надеялся, что найдет убежище в этом трактире.

Трудно было предположить, что ютившиеся в трактире преступники окажут содействие японцам. Американцы ненавидели азиатов, и не без основания.

Ник Картер далеко оторвался от своих преследователей. Ему светили только яркие звезды на черном небе, тогда как преследователям резал глаза свет их собственных фонарей.

То и дело раздавались выстрелы, и уже не раз пули пролетали над головой Ника Картера.

Лошадь его будто чувствовала опасность: несмотря на двойную ношу, она неслась вперед, как стрела.

Преследователи отставали все больше и больше. Вдруг крики умолкли. По-видимому, они поняли, что им не догнать беглеца. Выстрелы прекратились, и в конце концов смолк и топот копыт.

На крутом повороте Ник Картер оглянулся. Он увидел позади только ночной мрак, света фонарей уже не было.

«А они ленивы, – подумал он. – Странно, что они остановились на полдороге».

Минут через десять мнимый сенатор доскакал до трактира, носившего многозначительное название «Логово тигра».

Снаружи здание казалось необитаемым и заброшенным. Но Ник Картер знал, что на самом деле все обстоит иначе.

Он направил лошадь к заднему крыльцу, наклонился и постучал в низенькую дверцу.

Вскоре раздались чьи-то тяжелые шаги. Сквозь щели двери пробивался слабый свет.

– Кто там? – послышался грубый голос.

– Старый приятель, – ответил Ник Картер, – мы знакомы с тобой еще по Нью-Йорку.

– Мало ли с кем я знаком. Я хочу знать имя того, кто будит порядочных людей в ночное время.

– Как будто тебя и твоих постояльцев может смутить ночной визит, – расхохотался Ник Картер, – открывай дверь, мне некогда. А если тебе хочется знать, кто я такой, то запомни, что я из тех, которые умеют совершенно неожиданным образом расправляться со своими врагами.

Щелкнул замок, дверь открылась, и на пороге появился огромного роста мужчина, чрезвычайно широкоплечий, с затылком как у профессионального борца.

Держа фонарь высоко над головой, он окинул позднего гостя испытующим взглядом.

– Но ведь вы... разве вы не сенатор Марк Галлан? – проговорил он в недоумении. – Что это за человек лежит поперек лошади?

С этими словами он осветил лицо японца, который начал мало-помалу приходить в себя.

– Черт возьми, – воскликнул хозяин трактира, – да ведь это тот самый японский барон, подчиненные которого так часто бывают у меня!

– Не разглагольствуйте, Дик, а помогите мне сойти с лошади, – резко произнес Ник Картер, – я привез с собой очень ловкого парня, с которого ни на секунду нельзя спускать глаз.

– Слушаюсь. Вот, извольте, подайте мне руку. Обопритесь на меня, а теперь держите ногу. Однако сила у вас богатырская! Держите его на вытянутых руках, точно это селедка какая-нибудь! Ведь вы – Ник Картер? – шепнул он с многозначительной улыбкой.

– Не называйте этого имени, – резко оборвал верзилу сыщик, – думайте что хотите, но имейте в виду: я тот, за кого себя выдаю. А теперь проводите меня в комнату, где я мог бы отдохнуть.

– Проходите, у меня есть маленькая уютная комнатка, я пойду вперед с фонарем. Или прикажете сначала поставить лошадь в конюшню?

– Не надо, – отозвался Ник Картер, – сами видите, она совершенно спокойна. Потом отведете ее в конюшню и дадите двойную порцию овса.

Тут барон Мутушими, пришедший в сознание, стал делать попытки вырваться из рук Ника Картера.

– Успокойтесь, барон, – обратился к нему мнимый сенатор, – мы с вами здесь отдохнем, а затем я предложу вам совершить вместе со мной прогулку в экипаже. Долг платежом красен!

Они дошли до маленькой комнаты, окна которой, как и вообще все окна в доме, были закрыты тяжелыми деревянными ставнями, сквозь которые наружу не мог пробиться ни один луч света.

Обстановка комнаты была весьма убогой. Посередине стоял круглый стол и несколько стульев. С потолка свисала керосиновая лампа, а у стены стояла походная кровать.

Дик Боблей быстро зажег лампу, а Ник Картер перенес барона на постель, предварительно надев на него наручники.

– Что все это значит? – в недоумении спросил Дик Боблей.

– Это вас совершенно не касается, милейший, – ответил Ник Картер, – принесите-ка нам чего-нибудь выпить, но только не пива, а коньяку или виски.

– Не будете ли вы любезны объяснить мне, сенатор, – вдруг заговорил Мутушими, когда трактирщик вышел, – на каком основании вы увезли меня из моего дома? И кто дал вам право обращаться со мной как с преступником?

– Я нахожу этот вопрос весьма наивным, – отозвался сыщик, – по законам нашей страны вы совершили несколько преступлений, караемых тюремным заключением: вы насильно привезли меня к себе, заставляли под угрозой смерти пойти на государственную измену... И вы еще жалуетесь, что я недостаточно обходителен с вами! Впрочем, об этом мы с вами побеседуем несколько позже.

В комнату вернулся Дик Боблей с графином и двумя стаканами.

– Поставьте на стол, – приказал ему Ник Картер, – а теперь достаньте мне экипаж с парой лошадей. Торопитесь: через полчаса карета должна быть подана. Кроме того, вы позаботитесь о кучере, на которого я мог бы полностью положиться. Поняли?

Дик Боблей кивнул и вышел из комнаты.

Но от зоркого глаза Ника Картера не ускользнуло, что японец и хозяин трактира многозначительно переглянулись. Он догнал Дика и вернул его в комнату.

– Советую вам, Боблей, – вполголоса произнес сыщик, – даже не думать о предательстве. Если вы попытаетесь натравить на меня своих приятелей в надежде получить за это награду от моего пленника, то помните, что мне стоит только захотеть, и вы снова очутитесь за решеткой. А если я сам буду не в состоянии отправить вас туда, то это сделает мой двоюродный брат.

– Но клянусь вам, у меня и в мыслях ничего подобного не было, – заверил трактирщик своего незваного гостя.

– Ладно, Дик. Я счел своим долгом предупредить вас на всякий случай. А теперь ступайте, поторопитесь исполнить мое поручение.

Когда Боблей вышел, Ник Картер запер за ним дверь на засов и приблизился к своему пленнику.

– Прежде чем мы с вами начнем беседовать, – заговорил он, – мы немного подкрепимся. Я устал от быстрой езды, да и вам приятно будет выпить стаканчик. Не хотите – как хотите.

Сыщик подошел к столу, взял бутылку с коньяком, налил стакан и осторожно понюхал, прежде чем выпить.

Стоя к своему пленнику спиной, Ник Картер не мог видеть торжествующего взгляда барона.

Коньяк был очень хорош, как и вообще все напитки, которые можно было за деньги достать в этом трактире.

Ник Картер с удовольствием выпил его и, против обыкновения, налил себе еще одну порцию. Он почему-то чувствовал себя страшно утомленным.

Но теперь к нему вернулись силы. Сыщик поставил стакан на поднос и с насмешливой улыбкой проговорил, обращаясь к своему пленнику:

– Да, да, барон, иногда случается нечто совершенно неожиданное.

– Счастье переменчиво, – спокойно возразил японец, – но пока еще неизвестно, кто в чьей власти находится, сенатор.

– Нет уж, не предавайтесь мечтам, – расхохотался мнимый сенатор, – вы в моей власти, а через два часа очутитесь в тюрьме, если не примете моих условий.

– Прежде чем принимать какие бы то ни было условия, я должен их знать.

– Я не угрожаю вам убийством, как это делали вы, барон. Но моя воля непреклонна. Либо вы представите мне собственноручное письменное признание своей вины, с которым я поступлю по своему усмотрению, либо вы отправитесь в тюрьму.

– Сила на вашей стороне. Противоречить победителю было бы глупо, – отозвался Мутушими со странной улыбкой, которая заставила сыщика задуматься.

– Не предавайтесь ложным надеждам, барон, – продолжал Ник Картер, повысив голос, – вы зашли настолько далеко, что не можете рассчитывать на снисхождение. Если же вы станете упрямиться, то будете как иностранец переданы в распоряжение вашего посольства, а вы прекрасно знаете, с какими последствиями для вас это будет сопряжено. Даже в Японии шпионов не любят, тем более если они настолько неловки, что попадают. Насколько мне известно, такую неловкость может искупить только харакири. Вас первым же пароходом отправят в Токио, там преподнесут вам кривую саблю, и вы будете иметь удовольствие вспороть себе живот.

Пленник содрогнулся и с ненавистью взглянул на Ника Картера.

– А что будет, – проговорил он, – если я сделаю то, что вы называете признанием моей вины?

– Если вы выполните мое требование, – ответил Ник Картер, – то никто не узнает о том, что произошло сегодня ночью. Мне останется лишь пожелать вам счастливого пути!

– Значит, вы обещаете мне полную тайну, если я составлю и подпишу подобное заявление? – спросил Мутушими.

Ник Картер ответил не сразу.

Он сел к столу и подпер голову рукой. Какая-то странная усталость вновь овладела им.

– Ничего я вам не обещаю, – ответил он, зевая, – я требую от вас заявления, в котором вы признаетесь, что организовали в Соединенных Штатах, в частности в столице, целую шпионскую сеть, что лица, участвовавшие в этом заговоре, владеют искусством чтения по губам. Вы поражены, барон, нашей осведомленностью? Вы не ожидали, что мы и об этом знаем? Неужели вы воображали, что американцы настолько глупы? Признаю, задумка хитрая. Но вы были слишком уверены в успехе и в конце концов дошли до того, что стали разглашать содержание частных бесед, обнародование которых не могло повредить никому, даже участвовавшим в них лицам. Вот тут-то вы и промахнулись.

Барон заскрежетал зубами от ярости и стал бросать на своего тюремщика взгляды, полные ненависти и злобы.

– Кто знает, сенатор, – воскликнул он, – быть может, еще придет время, когда вам придется пожалеть о ваших нынешних действиях!

– Маловероятно, – отозвался Ник Картер, пожимая плечами, – так вот, я и говорю: в своем заявлении вы подробно опишете всю структуру организованной вами шпионской сети. Вы назовете имена ваших соучастников и подробно опишете способ, которым вы пользовались для того, чтобы подслушивать беседы высокопоставленных лиц.

– А потом что будет? – с коварной улыбкой спросил барон.

– Потом? Потом я возьму это заявление и доставлю его вместе с вашей почтенной особой к президенту Соединенных Штатов.

Вдруг раздался стук в дверь.

Ник Картер отодвинул засов. На пороге появился Дик Боблей.

Сыщику опять показалось, что трактирщик с бароном переглянулись.

– Что вам нужно? – нетерпеливо спросил Ник Картер.

– Я хотел доложить, что карета подана.

– Отлично. Ну что, барон, вы приняли решение? – спросил мнимый сенатор, обращаясь к японцу.

– Я готов подписать заявление, но лишь с одним условием.

– Не тратьте зря слов, барон, – оборвал его Ник Картер, – ни о каких условиях не может быть и речи. Благодарите Будду, что вы отделались так легко.

Затем сыщик обратился к трактирщику:

– Карета подождет еще полчаса. Вот что еще, Дик Боблей, я не думаю, что люди барона явятся сюда с намерением освободить своего начальника. Но если это все-таки случится, то вы никого не впустите в дом. Впрочем, я вижу в углу телефон. Как только я замечу, что вы пытаетесь меня обмануть, я вызову работников главного полицейского управления в Вашингтоне. Ступайте.

Когда Ник Картер снова обернулся к своему пленнику, он заметил, что у того на лице появилось торжествующее выражение.

– Будьте любезны, освободите мне руки, чтобы я мог писать, – заговорил Мутушими, – надеюсь, вы разрешите мне присесть к столу.

Ник Картер кивнул и вынул из своего бумажника лист бумаги и автоматическую ручку. Затем он связал барону ноги, снял наручники, перенес его к столу и усадил.

– Вот вам бумага и перо, – сказал он.

– Я предпочитаю писать своим собственным пером, – возразил Мутушими, вынимая из кармана тоненькую бамбуковую палочку, – вам не надо направлять на меня револьвер, – продолжал он, заметив, что мнимый сенатор вынул из кармана оружие, – я отлично сознаю, что на этот раз проиграл.

Он снял колпачок с одного конца бамбуковой палочки, на которой появилось золотое перо.

– Как прикажете писать, – продолжал он деловым тоном, – по-японски или по-английски? Лучше всего будет, если вы продиктуете мне начало, а то, по правде говоря, я не особенно опытен в составлении подобных документов.

– Пишите по-английски, – приказал Ник Картер, зайдя за спину своего пленника и наклонившись над его плечом, чтобы лучше видеть, как тот будет писать, – начните так: «Я, барон Мутушими...»

Ник Картер вдруг умолк.

Он все чаще и чаще зевал и в конце концов оперся на спинку стула, опустил голову на грудь и стоя замер совершенно без движения...

* * *

Барон Мутушими не шевелясь просидел на своем стуле довольно долго.

Прежде чем начать писать, он незаметно прижал к носу и рту тонкий шелковый платок и при этом направил острие бамбуковой палочки в лицо сыщику.

Из этого острия вырвалась едва заметная струйка пыли, которую и вдыхал Ник Картер. А барон прижимал платок к лицу, чтобы эта пыль не попала ему в дыхательные пути.

Прошла минута.

Барон Мутушими трижды постучал о стол указательным пальцем.

Открылась дверь, и на пороге снова появился трактирщик Дик Боблей.

– Ну что, готово? – спросил он. – Графиня давно уже ожидает.

– Пусть войдет. Ей уже нечего бояться этого бледнолицего дьявола, – прошипел Мутушими и окинул исполненным смертельной ненависти взглядом неподвижно стоявшего за его стулом сыщика, у которого даже глаза были открыты.

– Вы уверены, – спросил барон, – что это на самом деле вовсе не сенатор Марк Галлан, а знаменитый сыщик Ник Картер?

– Совершенно уверен, – ответил трактирщик, – когда я увидел вас в его власти, я ведь сделал вам намек. Ну а теперь я пойду за графиней.

Спустя несколько минут в комнату вошла прелестная женщина в одежде наездницы. В руке она держала хлыст.

Если бы Ник Картер был в сознании, он узнал бы в этой изящно одетой женщине ту самую гейшу, которая явилась ему на огненном шаре.

– Приключение довольно опасное, – проговорила она с очаровательной улыбкой, подойдя к сыщику и обыскивая его карманы, – вот тебе ключи, друг мой, которые, по всей вероятности, подойдут к твоим оковам.

Спустя секунду барон был уже свободен.

– Жизнь моя висела на волоске, – сказал Мутушими, потягиваясь, – если бы он не возымел глупого желания требовать от меня письменного признания и если бы при мне не было моей бамбуковой палочки, то он, пожалуй, на самом деле потащил бы меня к своему президенту.

– Но я никак не пойму, друг мой, – проговорила прелестная незнакомка, – каким образом ты мог очутиться в его власти.

– Я не думал, что он так силен, – ответил барон. – К тому же не забывай, дорогая, что я принимал его за сенатора. Да, ты улыбаешься... Теперь я сам вижу, что поступил глупо, но меня прельщала мысль заставить его проснуться точно в таком положении, в каком он заснул, то есть с рукой на моем затылке. Впрочем, выражаю тебе свою признательность, ты действовала именно так, как следовало.

– Твое счастье, что ты очутился именно в том месте, где выскакивает из-под пола змея. Оно и вышло так, что змея появилась между тобой и им. Как легковверны, однако, эти американцы! Немного мистификации, и они поддаются обману!

– Но что теперь? – спросил Мутушими и еще раз поднес бамбуковую палочку к лицу сыщика, который стоял по-прежнему неподвижно. – Мы слишком рано разыграли наши козыри. Он опасен для нас. Что нам с ним делать? Убивать его слишком рискованно, поскольку это действительно Ник Картер, действующий по поручению президента.

Красавица улыбнулась, наклонилась к барону и шепнула ему что-то на ухо.

Мутушими громко расхохотался.

– Неужели ты думаешь, что нам удастся осуществить такой план?

– Предоставь это мне. Переоденься в соседней комнате и подай мне сюда твою одежду, а все остальное я устрою.

– Но ведь это будет великолепно! Мы отвоюем утраченные нами позиции, и нам уже не придется опасаться этого сыщика, ведь после такого скандала он сам поспешит исчезнуть.

– Повторяю, предоставь это мне. Я все устрою!

Барон вышел в другую комнату.

Когда красавица осталась наедине с сыщиком, она с насмешливой улыбкой посмотрела на него и проговорила:

– Вот так-то, молодой человек. Твое искусство на нас не действует, поскольку ты и понятия не имеешь о снотворных снадобьях Востока. Однако ты легко попался в ловушку. А теперь слушай меня, – прибавила она, став прямо перед своей обездвиженной жертвой и проводя руками по его лицу, – твоё тело будет немощно, и дух твой будет немощен, пока ты снова не увидишь меня такой, какой я теперь стою перед тобой. Ты слышишь меня, Ник Картер?

Сыщик машинально поднял голову и уставился на красавицу.

– Я вижу огненный шар, – прошептал он наконец, – танцующую гейшу.

– Ник Картер, ты слышишь меня? – спросила она еще раз.

– Я слышу тебя.

– Ты забудешь все, что было, и будешь помнить только то, что ты взял в плен барона Мутушими, что ты привез его сюда, усадил его в карету и отвез в Белый дом. Там, в присутствии президента, ты проснешься и получишь должное возмездие.

На мертвенно-бледном лице сыщика появилось выражение невыразимой муки, но действие гипноза не прекращалось.

А красавица приступила к осуществлению своей затеи.

При помощи каких-то лент и пряжек она быстро собрала на талии платье и надела на себя костюм Мутушими, состоявший из цельного одеяния, застегивавшегося спереди, хотя с виду можно было подумать, что это обычная тройка – сюртук, жилет и брюки.

По ловкости, с которой переодевалась красавица, видно было, что она проделывает это не в первый раз.

Затем она вынула из стоявшего тут же ящика какой-то тонкий, несколько вогнутый предмет и прижала его к лицу. То была искусно изготовленная восковая маска лица барона Мутушими.

После этого графиня скрыла волосы под париком и надела шляпу.

Даже Ник Картер, если бы он находился в сознании, с трудом узнал бы ее.

Женщина нажала на кнопку электрического звонка.

В дверь заглянул Дик Боблей.

– Ушел ли барон? – спросила она. – Наденьте оковы на мои ноги, запирайте замок и положите ключи в левый боковой карман Ника Картера.

Она села на стул, где прежде сидел барон, взяла перо и приготовилась писать.

Но чернила, в которые она обмакнула перо, обладали каким-то особым свойством. В этом Нику Картеру пришлось убедиться впоследствии.

Дик Боблей вышел из комнаты.

– Ну что, барон, написали? – вдруг спросил Ник Картер.

И мнимый сенатор начал диктовать признание, которое намеревался преподнести президенту. А мнимый барон спокойно писал под диктовку.

Наконец заявление было готово и подписано.

Ник Картер прочитал его. Он держал себя, как и всегда, но его движения были автоматическими.

Он заявил мнимому барону, что снимет с него оковы, чтобы усадить в карету, и предупредил, что при малейшем подозрительном движении прострелит пленнику голову.

Поскольку дело происходило ранним утром, то Ник Картер с мнимым бароном поехал на квартиру сенатора Марка Галлана.

– Пока мы останемся здесь, – сказал он, – так как я не знаю, когда именно президент может нас принять.

Затем он вызвал по телефону личного секретаря президента.

После обеда Ник Картер вместе со своим пленником подкатил к южному подъезду Белого дома.

Их проводили в приемную рядом с кабинетом президента.

Один из камердинеров в недоумении пробормотал, поглядывая на сыщика.

– Что это с сенатором Галланом? У него совершенно остекленевшие глаза.

– Что за странный японец? – проговорил другой камердинер. – И на мужчину вовсе не похож.

– Президент сейчас занят, но скоро вас примет, – доложил Нику Картеру дежурный чиновник.

Тот слегка наклонил голову, но ничего не ответил.

Он держал своего пленника за левую руку и стоял на месте совершенно неподвижно.

Он и не заметил, как мнимый барон незаметно освободился, подошел к нише и там повозился немного за шелковыми портьерами.

Кроме Ника Картера и его пленника, в приемной никого не было.

Затем из-за портьеры вышла графиня в прежнем своем туалете, с ридикюлем в руке. С дьявольской улыбкой на лице она снова заняла прежнее место рядом с Ником Картером.

Почти в тот же момент открылась дверь кабинета, и на пороге появился президент.

– Здравствуйте, мистер Картер, – проговорил президент. – Кого я вижу? Вы, графиня? К кому вы пожаловали, ко мне или к моей дочери?

– Имею честь, – спокойным голосом заговорил Ник Картер, – представить вам барона Мутушими, который сам сознался в том, что является главарем шайки шпионов...

– Кого это вы мне представляете? – весело воскликнул президент. – Какого барона?

– Барона Мутушими, который...

В этот момент гипноз окончился. Ник Картер обернулся, увидел прелестную женщину и громко вскрикнул.

А графиня с насмешливой улыбкой на устах смотрела на него.

– Что... что все это значит? – проговорил Ник Картер, хватаясь за голову.

– Я как раз хотела спросить вас об этом, – воскликнула графиня, – я позволила себе войти в приемную без доклада, потому что у меня было маленькое дельце к нашему многоуважаемому президенту, и вы вдруг схватили меня за руку. Будьте любезны, объясните, что это значит.

– Но позвольте... А барон Мутушими?

Президент весело расхохотался, а вслед за ним расхохоталась и графиня.

Затем президент проводил графиню до двери и обратился за разъяснением к Нику Картеру.

Сыщик рассказал обо всем, что с ним произошло, но не смог объяснить неожиданную развязку.

Он пришел в еще большее недоумение, когда вынул из кармана написанное якобы Мутушими признание. Листок был совершенно чист.

Ник Картер охотнее всего провалился бы сквозь землю.

– Этот проклятый японец перехитрил меня! – воскликнул он. – Но клянусь, я не успокоюсь, пока не расправлюсь с ним!

Башня Голода

Как-то раз солнечным осенним днем Ник Картер сел в ожидавший его у подъезда автомобиль и приказал своему шоферу Данни, который иногда помогал хозяину в расследованиях, ехать в знаменитый отель «Метрополь».

Ник Картер назначил там встречу своему давнишнему другу сенатору Марку Галлану и с нетерпением ждал минуты, когда снова сможет побеседовать с этим почтенным человеком.

Данни считался одним из лучших шоферов Нью-Йорка. Слава эта основывалась преимущественно на том, что он с быстротой молнии перемещался по улицам города, не нарушая при этом правил уличного движения.

На сей раз Данни с привычной ловкостью управлял автомобилем на оживленных улицах, не подозревая, какое несчастье ожидает его и его хозяина.

При повороте на авеню, на углу которой располагался один из роскошных подъездов огромного отеля, вдруг с громким треском лопнула толстая шина левого переднего колеса. Колесо согнулось, и автомобиль накренился набок.

Это происшествие могло бы повлечь за собой смерть и водителя, и пассажира автомобиля, если бы Данни в тот же момент не сбавил скорость. Он успел вовремя остановить автомобиль. Благодаря присутствию духа Данни и на этот раз предупредил трагедию.

Правда, Ник Картер сильным толчком был выброшен на мостовую, но отделался легкими ушибами. Он быстро вскочил на ноги и с удивлением и упреком взглянул на своего шофера.

– Ведь я уже говорил вам, Данни, – произнес он, – что перед каждым выездом следует внимательно осматривать машину. Почему вы не сделали этого сегодня?

– Неужели вы меня так плохо знаете? – обиженным тоном возразил шофер. – Не далее как сегодня утром я внимательно осмотрел автомобиль. Шина была совершенно новая. По всей вероятности, это чьи-нибудь проделки.

– Ерунда, – с досадой ответил сыщик, – я сейчас пойду в гостиницу, а вы позаботьтесь о ремонте. Сегодня вы мне больше не понадобится.

Ник Картер повернулся к смущенному Данни спиной и быстро вошел в холл отеля. Там он распорядился, чтобы его визитную карточку передали сенатору Марку Галлану.

Почему-то сыщику пришлось довольно долго ждать возвращения посыльного. Наконец тот появился с визитной карточкой в руке и сообщил, что сенатора Марка Галлана нет дома.

– Странно, очень странно, – пробормотал Ник Картер.

Еще за завтраком знаменитый сыщик получил письмо от сенатора, в котором Марк Галлан просил его приехать к нему утром по важному и неотложному делу.

Ник Картер знал, насколько пунктуален его друг, и потому очень удивился, не застав его на месте в назначенное время.

Но он успокаивал себя предположением, что Марк Галлан вышел куда-нибудь по срочному делу и скоро вернется. Поэтому сыщик решил дожидаться его возвращения. Он устроился в кресле и закурил сигару.

Прождав около часа, Ник Картер направился к стойке портье и попросил еще раз отнести карточку в номер сенатора.

Спустя четверть часа посыльный вернулся и сообщил, что сенатор Марк Галлан еще не вернулся.

– Искали ли вы его в коридорах? – поинтересовался сыщик.

– Я обыскал всю гостиницу, – ответил посыльный, – я побывал в ресторане, в читальном зале, в салонах и холлах – словом, везде. Сенатор Галлан всегда останавливается у нас, и потому все служащие его хорошо знают, однако сегодня его никто еще не видел.

– Вы сами заходили в его номер?

– Нет. У нас на каждом этаже имеются специальные служащие, но я получил от них по телефону сообщение, что сенатора Марка Галлана в номере нет.

Старший портье тоже подтвердил, что еще не видел этим утром сенатора, а он не мог его не увидеть, если бы тот появился в вестибюле, поскольку сенатор был слишком заметной личностью.

– Сенатор прибыл вчера вечером около восьми, – сообщил старший портье, – он не хотел записываться в книгу гостей, чтобы избежать визитов непрошенных посетителей, которые всегда досаждают высокопоставленным лицам. Я отвел ему лучший номер на восьмом этаже. В нем есть гостиная и спальня с ванной. Я хорошо помню, что сенатор занял этот номер в половине девятого.

– Уходил ли он куда-нибудь из отеля вчера вечером?

– Не могу сказать. Знаю только, что по прибытии он сейчас же отправился к себе в номер, а после я его уже не видел.

– В котором часу сегодня утром вы заняли свое место?

– В восемь.

– И сегодня вы тоже не видели сенатора? Странно, он ведь прислал мне письмо с приглашением явиться к нему до завтрака... Скажите, вы сейчас очень заняты или сможете уделить мне несколько минут? Я хотел бы лично заглянуть в номер сенатора, но мне необходим свидетель.

– С удовольствием, мистер Картер. Я только пошлю за ключами и позову нашего гостиничного сыщика Графтона, чтобы он тоже нас сопровождал. Мне не хочется думать, что с сенатором произошло какое-то несчастье, но ведь вы сами знаете, всякое может случиться, в особенности в таком огромном отеле, как наш. Откровенно говоря, малейший пустяк сейчас же порождает мысли о несчастном случае.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Ник Картер, – в этой гостинице произошло уже не одно преступление. Здесь удалось задержать и уличить многих злоумышленников. Но пусть Графтон идет следом и не подает виду, что сопровождает нас, поскольку мы не должны привлекать ничьего внимания.

Дойдя до двери в номер сенатора Марка Галлана, Ник Картер отпер замок поданным ему старшим портье ключом и вместе с Графтоном вошел в гостиную. Старший портье остался в коридоре – он был человеком осторожным и не любил неприятностей.

Но в изящно обставленной комнате сыщик не заметил ничего особенного.

Чемодан сенатора, открытый, стоял на стуле. Из него были вынуты кое-какие вещи, лежавшие в разных местах гостиной; могло показаться, что сенатор что-то искал и с этой целью предварительно достал некоторые вещи из чемодана.

Спальня находилась в образцовом порядке: казалось, никто в нее даже не заходил. Постель была нетронутой, и сразу становилось ясно, что сенатор вовсе не ложился.

– Что вы на это скажете? – произнес Ник Картер, обращаясь к Графтону.

– Похоже на то, – ответил тот, – что вчера вечером сенатор умылся и переоделся, для чего и вынул из чемодана щетку, гребень, мыло и зубную щетку. Все это лежит в ванной на умывальнике, да и полотенцем пользовались. Ну а затем он как будто куда-то ушел и до сих пор не вернулся.

– Возможно, – пробормотал Ник Картер.

– По-моему, все это пока еще не внушает опасений, – с хитрой улыбкой прибавил Графтон. – В Нью-Йорке развлечений много, возможно, что сенатор попал в веселую компанию, да так и не вернулся в номер. Часто бывает, что гости не ночуют в отеле.

– Все это, конечно, так, – возразил Ник Картер, – но я хорошо знаю сенатора: он человек положительный и ведет безукоризненный образ жизни. Без серьезных оснований он не мог отлучиться из гостиницы на целую ночь.

* * *

Ник Картер лично взялся за поиски своего исчезнувшего друга. Он обошел огромное здание и расспросил всех служащих. Но и по прошествии целого часа он знал ровно столько же, сколько и раньше. С прошлого вечера никто не встречал сенатора.

Один из посыльных видел его за письменным столом в вестибюле, неподалеку от лифта. Это было вскоре после прибытия сенатора в отель. Вероятно, тогда Марк Галлан и писал письмо Нику Картеру, в котором просил его приехать в гостиницу.

Что произошло с сенатором после этого, посыльный не знал. Он только вспомнил, что уже спустя четверть часа сенатора за письменным столом уже не было. Больше служащий отеля ничего сказать не мог.

Это было единственное, что Нику Картеру удалось выяснить.

Он никак не мог прийти к определенному решению. Хотя сыщика сильно беспокоило отсутствие сенатора, ему все-таки не хотелось думать о несчастном случае или покушении на жизнь друга.

Но что же могло помешать Марку Галлану оказаться в гостинице в назначенное время? Быть может, он встретился с одним из своих многочисленных друзей и задержался?

Но Ник Картер даже мысли не допускал, что столь ответственный человек мог изменить данному слову из-за какого-нибудь пустяка. Наконец, сенатор был вовсе не из тех, кого легко можно обидеть. Он вырос в прериях Запада и обладал недюжинной силой, прекрасно умел стрелять и мастерски владел холодным оружием. Вот почему сыщик полагал, что оснований для серьезных опасений нет.

На всякий случай он оставил другу записку, а затем, глубоко задумавшись, отправился домой.

Он пошел тем же маршрутом, которым утром приехал в отель. Его автомобиля и следов аварии на улице уже не было.

Путь Ника Картера пролегал вдоль строящегося дома. Ему следовало выбрать – или идти дальше по дощатым мосткам, сооруженным для удобства пешеходов, или обойти весь этот участок, огороженный забором, по мостовой.

Сыщик пошел по мосткам. Однако, сделав несколько шагов, он вспомнил, что на следующем углу ему придется переходить перекресток. А потому повернул обратно.

Это спасло ему жизнь.

Едва только Картер успел повернуть, как со строительных лесов свалилась огромная гранитная глыба и ударилась о землю со страшным грохотом как раз в том самом месте, где должен был пройти сыщик.

Он быстро отскочил в сторону, обернулся и посмотрел наверх.

Из строящегося здания выбежали с громкими криками несколько рабочих. Они опасались, что камень попал в прохожего. Но Ник Картер отделался легким испугом.

Он предположил, что камень упал по недосмотру или из-за неосторожности рабочих, как часто случается на стройках, и пошел дальше своей дорогой.

В этот день он уже дважды оказывался в серьезной опасности и оба раза каким-то чудом сумел избежать смерти.

Но вдруг он остановился и задумался. Картеру показалось странным, что в одно и то же утро произошло несколько несчастных случаев. Это не могло быть простым совпадением. Сначала происшествие с автомобилем, затем исчезновение сенатора и теперь падение камня.

Он заподозрил, что все эти происшествия являются звеньями одной цепи, что это были не случайные явления, а заранее продуманные и подготовленные покушения невидимых врагов.

Ник Картер повернул обратно к стройке и вызвал старшего десятника. Явился нечесаный рыжий ирландец. Он многозначительно усмехнулся, когда увидел Ника Картера.

– Вы за справочкой? – проговорил он. – Очень жаль, что этот случай произошел именно с вами, мистер Картер.

– Откуда вы меня знаете? – изумился сыщик.

– Видите ли, когда упал камень, один из моих рабочих сказал: «Величайший сыщик Америки едва не стал жертвой рухнувшей глыбы».

– Неужели он так и сказал? Что за человек этот рабочий?

– А я и сам не знаю. Какой-то новичок. Я только вчера его принял, и сегодня он приступил к работе. Он на лесах, наверху.

– Позовите-ка его сюда, любопытно на него взглянуть.

– Это можно. Эй, Майк, – окликнул десятник одного из мальчишек-подсобников, – позови-ка сюда новичка!

– Значит, камень упал из-за его неосторожности? Как же это случилось? – спросил Ник Картер.

– Этого он и сам не понимает. Я ему уже заявил, что работник из него никудышный. Он стоит у мотовила лебедки. С самого начала он казался мне каким-то неуклюжим. А тут вдруг вскрикнул, что не может удержать рукоять, и выпустил ее из рук. Цепь и размоталась, а камень полетел вниз. Слава богу, он не угодил в вас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.